ЖИЗНЕОПИСАНІЯ

СВЯТѢЙШИХЪ

ПАТРІАРХОВЪ МОСКОВСКИХЪ

и

всея Россіи

1589—1700

составилъ

Ѳ. В. Четыркинъ

Петроградъ

Изданіе Русско-Славянскаго книжнаго склада

1992

БИПМ

2007057104

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 16 мая 1891 года.

Цензоръ Архимандритъ *Тихонъ*.

Типографія Н. А. Лебедева, Невскій просп., д. № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Учрежденіе патріаршества въ Россіи и первый Патріархъ Іовъ	1
Патріархъ Игнатій	17
Патріархъ Гермогенъ	19
Филаретъ Никитичъ, Великій Государь и Патріархъ	29
Патріархъ Іоасафъ	42
Патріархъ Іосифъ	49
Никонъ Великій Государь и Патріархъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи	58
Патріархъ Іоасафъ II и Питиримъ	78
Патріархъ Іоакимъ	83
Патріархъ Адріанъ	91

Патріархъ Іовъ.

Учрежденіе патріаршества въ Россіи и первый патріархъ Іовъ.

I.

Русь, принявшая Православную вѣру отъ грековъ при св. Равноапостольномъ князѣ Владимірѣ въ X вѣкѣ, образовала огромную церковную область, состоявшую изъ нѣсколькихъ Епископій или Епархій, управляемыхъ Епископами. Въ главѣ-же церковнаго управленія Россійскою церковію поставленъ былъ Митрополитъ Кіевскій, каѳедра котораго была сначала въ Кіевѣ, а потомъ перенесена была, по политическимъ обстоятельствамъ, изъ Кіева сначала въ Владиміръ на Клязьмѣ, а оттуда въ москву. Но митрополиты Всероссійскіе не были совершенно самостоятельными архипастырями Русской Церкви, а находились въ церковно-канонической зависимости отъ Константинопольскаго Патріарха: они принимали посвященіе въ санъ митрополита въ Константинополѣ и большая часть изъ нихъ по происхожденію были греки. Русская церковь составляла одну

изъ областей (діоцезовъ) Константинопольскаго Патріархата. Такая зависимость Русской Церкви отъ Константинопольскаго Патріарха представлялась явленіемъ вполнѣ законнымъ и нормальнымъ: Русская Церковь считалась дщерію Церкви Греческой. Но когда въ половинѣ XV вѣка Греческая или византійская имперія пала подъ оружіемъ Магомета II; когда исчезла христіанская династія греческихъ императоровъ; когда магометанство сдѣлалось господствующею религіею Византійской имперіи и на св. Софіи крестъ Христовъ замѣненъ былъ мусульманскимъ полумѣсяцемъ, а христіанская вѣра стала иногда только терпимою, а иногда гонимою, и сами патріархи греческіе должны были искать покровительства у русскихъ великихъ князей и царей, тогда и эта зависимость Русской Церкви оказалась не достигающею своей цѣли. Во всемъ христіанскомъ мірѣ остался одинъ православный государь, на котораго обращены были взоры всѣхъ православныхъ, какъ на защитника православія. И такимъ государемъ былъ Царь и Великій Князь Московскій и вся Руси. Такая идея созрѣвала постепенно въ умахъ православнаго Востока и Запада, со времени паденія Византійской имперіи. Одна Русская Православная церковь, обширнѣйшая по своему пространству, находилась подъ защитой единовѣрнаго ей православнаго государя.

Видя паденіе Византійскаго престола, Русскіе стали думать, что Москва должна имѣть то церковное значеніе, какое прежде имѣла Византія или Константинополь, что православный Государь и Московскій Митрополитъ дѣйствительные блюстители православной каѳолической вѣры. Вотъ что писалъ въ концѣ XV вѣка Филоѳей, игуменъ

Псковскаго Елеазарова монастыря: «Мы только немного скажемъ о нынѣшнемъ православномъ царствѣ пресвѣтлѣйшаго Государя нашего, единственнаго во всей поднебесной христіанскаго царя, браздодержателя св. Божіихъ престоловъ св. Вселенской и Апостольской Церкви, которая просіяла вмѣсто Церкви Римской и Константинопольской и утвердилась въ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ и которая одна во всей вселенной свѣтится и ярче солнца сіяетъ... Всѣ другія христіанскія церкви исчезли совершенно и совокупились въ одно царство нашего Государя. Два Рима пали (Римъ и Византія), третій (Москва) стоитъ, а четвертому не быть. Только одно нашего Государя царство благодатію Божіею стоитъ, и этого царства св. соборная и апостольская церковь во всѣхъ концахъ вселенной, во всей поднебесной яснѣе солнца сіяетъ».

При такомъ положеніи дѣлъ, зависимость московской каѳедры отъ константинопольской не соотвѣтствовала ни высотѣ Московской Митрополіи, ни силѣ и богатству Русскаго царства, ни сознанію Русскаго народа. Должно было настать время, когда Московскій Митрополитъ, по своему положенію не уступающій восточнымъ патріархамъ и даже превосходящій ихъ, сравняется съ ними по своему титулу, сдѣлается «Святѣйшимъ Патріархомъ». Правленіе царя Ѳеодора Іоанновича представлялось для этого временемъ весьма благопріятнымъ. Царь былъ человѣкъ набожный, любилъ церковную службу, любилъ пышность и торжественность въ отправленіи богослуженія. Мысль о торжественномъ патріаршемъ богослуженіи, о величіи самого титула Патріарха для Московской каѳедры могла быть пріятна для набожнаго царя. При немъ и на-

чаты были переговоры объ учрежденіи патріаршества въ Россіи.

Въ іюнѣ 1586 года прибылъ въ Москву антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Послѣ паденія Царьграда много приходило съ Востока и мірянъ и особенно духовныхъ лицъ за милостынею въ Россію; приходили архіепископы и митрополиты. Но изъ четырехъ восточныхъ патріарховъ еще не приходилъ никто: Іоакимъ былъ первый. Это прибытіе патріарха и представило удобный случай начать дѣло о патріаршествѣ въ Россіи. Царь Ѳеодоръ Іоановичъ приказалъ сдѣлать патріарху торжественную встрѣчу. 25 іюня Іоакимъ былъ приглашенъ въ царскій дворецъ и къ царскому столу.

Затѣмъ царь собралъ боярскую Думу и произнесъ въ ней рѣчь, въ которой высказалъ свои мысли относительно патріаршества въ Россіи.

— Изначала — говорилъ царь — отъ прародителей нашихъ, кіевскихъ, владимірскихъ и московскихъ государей, царей и великихъ князей благочестивыхъ поставлялись наши богомольцы митрополиты кіевскіе, владимірскіе, московскіе и всея Россіи отъ патріарховъ цареградскихъ и вселенскихъ. Потомъ милостію Всемогущаго Бога и Пречистыя Богородицы, Заступницы нашей, начали поставляться особо митрополиты въ Московскомъ государствѣ по приговору и избранію прародителей нашихъ и всего освященнаго собора, отъ архіепископовъ и епископовъ россійскаго царства даже до нашего царствія. Нынѣ, по великой и неизреченной своей милости, Богъ даровалъ намъ видѣть пришествіе къ себѣ великаго Патріарха Антіохійскаго и мы возсылаемъ за сіе славу Богу. А намъ бы

испросить еще у Него милости, дабы устроилъ въ нашемъ Государствѣ Московскомъ Россійскаго Патріарха, и посовѣтовать бы объ томъ съ святѣйшимъ патріархомъ Іоакимомъ и приказать бы съ нимъ о благословеніи Патріаршества Московскаго ко всѣмъ Патріархамъ».

Тотчасъ же государь приказалъ шурину своему, конюшему и намѣстнику казанскому, Борису Ѳедоровичу Годунову, отправиться къ Патріарху и дословно передать ему всю рѣчь государя, сказанную боярамъ.

Патріархъ Іоакимъ отвѣчалъ, что всѣ Патріархи постоянно молятся о Государѣ, чтобы Господь даровалъ ему все по желанію его сердца и что въ россійскомъ государствѣ «слѣдуетъ быть Патріарху, только этого великаго дѣла безъ совѣщанія съ Цареградскимъ и другими Патріархами учинить невозможно,—и обѣщалъ, что Патріархи начнутъ теперь совѣщаться о томъ вмѣстѣ со всѣмъ Соборомъ и пошлютъ во Святую и Синайскую Горы». Отвѣтъ Патріарха Годуновъ немедленно передалъ царю.

Нужно замѣтить, что мысль объ учрежденіи Патріаршества въ Россіи существовала еще прежде и была распространена между русскими книжными и образованными людьми, которые ясно видѣли высокое значеніе своего отечества, своего государя и своей церкви среди всего христіанскаго Православнаго міра, ясно сознавали высокое положеніе своего митрополита въ сравненіи со всѣми Патріархами, находившимися въ тяжеломъ порабощеніи отъ турокъ и въ нищетѣ.

Царь Ѳеодоръ предложилъ свою мысль объ учрежденіи Патріаршества собору русскихъ святителей. Соборъ, одобривъ желаніе царя, сказалъ: «Аще восхощетъ благочести-

вая ти держава, да возвѣстится о семъ писаніемъ вселенскимъ четыремъ Патріархамъ. Понеже благочестивая ти держава и мы всѣ имѣемъ сихъ, яко столпы благочестія,— аще и во области поганыхъ суть, но святая, якоже рече Писаніе, николиже осквернена бываетъ». Къ тому же, говорилъ еще соборъ, пусть не думаютъ другіе народы, особенно же пишущіе противъ святой нашей вѣры латынскіе и прочіе еретики, что въ царственномъ градѣ Москвѣ патріаршій престолъ устроился только одною царскою волею.

Согласно отвѣту Патріарха Іоакима и отзыву русскаго собора, царь, при отъѣздѣ Патріарха, послалъ съ нимъ своего подъячаго Михаила Огаркова съ богатыми дарами Патріархамъ и съ граматами къ Цареградскому Патріарху Ѳеолепту и Александрійскому Сильвестру.

На слѣдующій годъ полученъ былъ отвѣтъ изъ Царьграда, что Патріархъ Цареградскій и Антіохійскій согласны съ желаніемъ царя и что они послали за Александрійскимъ и Іерусалимскимъ для совѣщанія и рѣшенія соборнаго, положивъ отправить въ Россію Патріарха Іерусалимскаго. Но по нуждамъ церкви восточной въ Россію отправился не Іерусалимскій, а первенствующій между восточными православными Патріархами, Патріархъ Цареградскій.

Этотъ Патріархъ былъ святѣйшій Іеремія II. Въ 1588 году совершилось прибытіе его въ Москву. Іеремія объявилъ, что прибылъ съ соборнымъ опредѣленіемъ объ открытіи Патріаршества въ Россіи. 19 января 1589 года на общемъ собраніи архіереевъ и бояръ было рѣшено, какъ совершать самое избраніе и нареченіе Патріарха. Избраны были раньше намѣченные Царемъ кандидаты для патріар-

шей каѳедры: московскій митрополитъ Іовъ, новгородскій архіепископъ Александръ и ростовскій Варлаамъ. Царь утвердилъ на патріаршество московскаго митрополита Іова и онъ былъ нареченъ Патріархомъ. 26 января состоялось его рукоположеніе съ большою торжественностію.

Въ Успенскомъ соборѣ на срединѣ было приготовлено широкое возвышеніе съ тремя на немъ стульями — для Царя, Патріарха Іереміи и Патріарха Іова; царское мѣсто обито краснымъ сукномъ, а стулъ покрытъ краснымъ бархатомъ съ золотомъ; патріаршее мѣсто обито лазоревымъ сукномъ, а стулья покрыты чернымъ бархатомъ. По обѣимъ сторонамъ въ направленіи къ алтарю поставлены скамьи для духовныхъ лицъ. Предъ возвышеніемъ на царскомъ помостѣ нарисованъ одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями и обставленъ 12-ю огневиками. Предъ литургіей явился Іовъ и сталъ облачаться въ придѣлѣ Похвалы Богородицы; явился Іеремія и облачившись сѣлъ на приготовленное мѣсто; явился Царь, Патріархъ благословилъ его и оба сѣли рядомъ; духовенство заняло свои мѣста. Протопопъ и архидіаконъ, по благословенію Іереміи, вывели изъ придѣла Іова и поставили предъ орломъ. Поклонившись Царю и Патріарху, Іовъ прочиталъ исповѣданіе вѣры. Іеремія, послѣ діаконскаго «вонмемъ», благословилъ Іова и произнесъ: «Благодать Пресвятаго Духа нашимъ смиреніемъ имѣетъ тя Патріархомъ въ богоспасаемомъ градѣ царствующемъ Москвѣ и всего Россійскаго царствія». Послѣ взаимнаго благословенія и цѣлованія, послѣ цѣлованія архіеревъ, Іовъ возведенъ былъ на возвышеніе и сталъ возлѣ Царя и Іереміи. Царь и всѣ сослужащіе привѣтствовали его. Послѣ того Іовъ удалился въ

придѣлъ, Царь сошелъ съ возвышенія на обычное царское мѣсто и началась литургія. Послѣ малаго входа Іовъ былъ введенъ двумя митрополитами съ правой и протопопомъ съ лѣвой стороны въ алтарь и сталъ около престола. Іеремія возложилъ на его главу евангеліе, а епископы свои руки на главу и выю его; благословляя крестообразно, Іеремія прочиталъ молитву обычную при рукоположеніи; служащіе троекратно пропѣли «аксіосъ» и возложили на Іова митру. Оба патріарха послѣ того продолжали литургію, при чемъ Іеремія послѣ «Изрядно» помянулъ: «во первыхъ святѣйшаго Патріарха Іова Московскаго и всея Россіи». Іовъ же вслѣдъ затѣмъ возгласилъ: «во первыхъ помяни Господи святѣйшаго вселенскаго Іеремѣя Патріарха». Іеремія продолжалъ поминовеніе другихъ восточныхъ Патріарховъ. Послѣ литургіи совершилось настолованіе вновь рукоположеннаго Патріарха: архіереи возвели его на святительское мѣсто и трижды сажали на стулъ съ пѣніемъ «Исполла эти деспота». Когда Іовъ снялъ съ себя священныя одежды, Іеремія возложилъ на него золотую воротную икону и вручилъ ему посохъ Митрополита Петра. Царь пожаловалъ Іову золотую панагію съ драгоцѣнными камнями, мантію, бѣлый клобукъ и золотой посохъ съ каменьями и жемчугомъ.

Обыкновенный титутъ Патріарха былъ такой: «Великій Господинъ, Святѣйшій Киръ (имя), Божіею милостію Патріархъ Московскій и вся Россіи». Блестящему титулу Патріарха соотвѣтствовалъ его *дворъ*, а также присвоенныя ему внѣшнія отличія. Великъ и блестящъ былъ дворъ Патріарха: онъ образованъ былъ по примѣру царскаго (*скопированъ* былъ съ царскаго). Въ немъ были разные

чины и должности: бояре, окольничіе, стольники, тіуны, стряпчіе, боярскіе дѣти, десятильники, дьяки, подъячіе, приставы, свѣчники, чашники, скатертники, повара, хлѣбники, пивовары, истопники, конюхи, сторожа, иконописцы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, кузнецы, столяры, рѣзчики, пѣвчіе дьяки, книгописцы и др. Особенно великъ былъ дворъ у Патріарховъ Филарета и Никона.

Патріаршая область, какъ епархіальнаго іерарха, была весьма обширна. Въ началѣ своемъ она заключала въ себѣ нынѣшнія епархіи: Московскую (исключая Коломенской области), Костромскую, Вятскую, Нижегородскую, Курскую и Орловскую; кромѣ того, нѣкоторыя части епархій: Архангельской, Владимірской, Новгородской и Тамбовской.

Богата и блестяща была также патріаршая ризница: патріаршія облаченія горѣли драгоцѣнными камнями, золотомъ. Патріаршее богослуженіе было особенно торжественно и величественно. При соборномъ служеніи онъ облачался среди храма на амвонѣ, возвышенномъ 12 ступенями, архіереи же въ алтарѣ; когда онъ садился на горномъ мѣстѣ, архіереи продолжали стоять; онъ пріобщалъ архіеріевъ изъ своихъ рукъ. Сослужащій Патріарху Митрополитъ долженъ былъ снимать съ груди крестъ, оставляя одну панагію. Подобнымъ образомъ запрещалось при патріаршемъ служеніи «жезло-возносити» митрополитамъ, архіепископамъ, что дѣлалось безъ патріаршаго служенія. Въ церковномъ ходѣ (крестномъ и др.) предъ Патріархомъ несли свѣчу, а во время путешествія предшествовалъ ему крестъ и послѣдовалъ жезлъ. Богослужебныя его облаченія были: Саккосъ съ позвонками и съ нашивною епи-

трахилью, украшенною золотомъ или жемчугомъ; стихарь, поясъ, епитрахиль съ галліатами, означающими потоки Христовой крови; омофоръ, епигонатій (наколѣнникъ), митра съ крестомъ наверху и иногда съ короною, по опушкѣ жезлъ, украшенный зміями.

Обычными одеждами служили: ряса съ широкими рукавами, мантія бархатная, зеленаго или багрянаго цвѣта, съ золотыми и серебряными скрижалями вверху и внизу; на головѣ бѣлый клубокъ съ нашивнымъ крестомъ или съ изображеніемъ Херувимовъ и Серафимовъ, на груди два енколпія (панагіи) и крестъ.

II.

Патріаршество въ Россіи продолжалось сто одинадцать лѣтъ и всѣхъ Патріарховъ Всероссійскихъ было 11.

Черезъ два года, въ 1591 году, Патріархъ Іеремія, черезъ Тырновскаго митрополита Діонисія, прислалъ соборную грамоту объ утвержденіи Патріарха Іова и патріаршества въ Россіи за подписью патріарховъ, 42 митрополитовъ, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ.

Патріархъ Іовъ, въ мірѣ Іоаннъ, былъ сынъ Старицкаго посадскаго чиновника. Онъ достигъ епископскаго сана изъ архимандритовъ Старицкаго монастыря. О первоначальномъ образованіи перваго всероссійскаго Патріарха мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Но оно конечно не отличалось ничѣмъ отъ тогдашняго монастырскаго образованія. Всякій отданный въ монастырь выучивался тамъ

читать по церковнымъ книгамъ, переписывать священныя книги, пѣть на клиросѣ, отправлять божественную службу по церковному уставу. Къ этому не обширному кругу образованія присоединялось чтеніе и изученіе Библіи наизусть. Въ монастырѣ Іовъ проходилъ всѣ низшія степени монашества, начиная съ послушника. Въ Старицкомъ монастырѣ Іовъ удостоенъ сана архимандрита. Изъ Старицкаго монастыря онъ переведенъ былъ въ Симоновъ въ 1572 году, а оттуда въ Спасскій.

Въ 1581 году Іовъ возведенъ былъ въ санъ епископа Коломенскаго, и затѣмъ получилъ Ростовскую митрополію. По смерти митрополита Московскаго Діонисія, Іовъ, по желанію Царя Ѳеодора Іоанновича, занялъ каѳедру Московской митрополіи. «По прибытіи въ Москву, говоритъ самъ Іовъ, Патріарха вселенскаго Іереміи, государь Ѳеодоръ Іоанновичъ, осязавъ благодатію Св. Духа, желаніемъ и любовію побѣждаемъ, како бы украсити превысочайшій престолъ Русскія Церкви патріаршимъ достоинствомъ, по совѣтѣ съ супругою и ближнимъ своимъ доброхотомъ и пріятелемъ, правителемъ Русской земли Борисомъ Ѳеодоровичемъ. Онъ же возвѣсти благочестивое хотѣніе христолюбиваго царя патріарху Константинопольскому Іереміи. И азъ смиренный Іовъ избранъ и поставленъ на патріаршество въ Москвѣ въ соборной апостольской церкви Успенія, января въ 26 день 1589 года» *).

---

*) Патріархъ Іовъ, по свидѣтельству его жизнеописателя, былъ лицемъ весьма благообразенъ и «прекрасенъ въ пѣніи и во чтеніи, яко труба дивна всѣхъ веселя и услаждая», имѣлъ необыкновенную память, зналъ наизусть всю псалтирь, Евангеліе и Апостолъ; безъ книги совершалъ всю литургію св. Василія Великаго, безъ книги, на память

Святитель Іовъ строго понималъ обязанности, принимаемыя имъ на себя вмѣстѣ съ саномъ, и потому принималъ санъ съ крайнею осторожностію и опасеніемъ за свои способности, какъ онъ самъ высказывалъ это. Дѣла церковныя тогда находились въ разстройствѣ. Святитель Іовъ въ 1594 году составилъ соборъ, на которомъ для устройства церковнаго благочинія учредилъ поповскихъ старостъ (что нынѣ благочинные) и десятильниковъ изъ благонравныхъ священниковъ и діаконовъ. Не смотря на огромную власть, предоставленную Іову, какъ Патріарху, святитель въ обращеніи съ другими былъ мягокъ, кротокъ и ласковъ. Значительныя средства свои онъ употреблялъ на пособіе бѣднымъ. Онъ построилъ богадѣльню на Кулишахъ, извѣстную подъ именемъ Кировской. Іовъ заботился и о просвѣщеніи. Онъ самъ составилъ описаніе жизни Царя Ѳеодора Іоанновича, написалъ посланіе къ Грузинскому митрополиту Николаю и утѣшительное посланіе Царицѣ Иринѣ, супругѣ Царя Ѳеодора по случаю смерти царской дочери Ѳеодосіи. Въ его время напечатаны были многія церковныя книги. Онъ сочинилъ канонъ и службу преподобному Іосифу Волоцкому.

Но, что особенно возвышаетъ святителя Іова и должно возбуждать въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка благо-

---

читалъ не только Евангелія, но и всѣ молитвы во время крестныхъ ходовъ, на Богоявленіе и въ другіе дни, безъ книги читалъ даже длинныя молитвы въ день св. Пятидесятницы, и чтеніе его до того было умилительно, громогласно и доброгласно, что всѣ вмѣстѣ съ нимъ плакали. Къ тому-же онъ былъ великій постникъ и никогда не пилъ вина, а только воду. Любилъ ежедневно совершать литургію; никого никогда не обличалъ и не оскорблялъ, всѣхъ миловалъ и прощалъ. Вообще онъ былъ «мужъ нравомъ и ученіемъ и благочестіемъ украшенъ».

говѣйную память о немъ и такое же уваженіе къ нему,— такъ это подвиги и страданія его въ тяжкое время труднаго испытанія Россіи Промысломъ Божіимъ, — именно, во время появленія самозванца.

Преждевременная кончина Царя Ѳеодора Іоанновича причинила святителю Іову не малую печаль объ утратѣ любившаго его и любимаго имъ царя. Святитель, бывшій при послѣднихъ минутахъ у одра умиравшаго царя, первый возвѣстилъ о кончинѣ его въ слѣдующихъ скорбныхъ словахъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ меркнетъ, праведный отходитъ къ Богу!» Такъ 7 января 1598 года пресѣкся царственный родъ Рюрикова дома. Царскій шуринъ Борисъ Годуновъ занялъ Русскій престолъ, на которомъ 700 лѣтъ, народъ привыкъ видѣть потомковъ Рюрика. Едва прошло два года, какъ разнеслась злополучная молва, что царевичъ Димитрій, сынъ Ивана Грознаго отъ Маріи Нагой, убитый въ 1591 году въ Угличѣ, живъ, что онъ спасенъ былъ отъ убійцъ подосланныхъ Годуновымъ и находится за рубежемъ въ польскихъ предѣлахъ. Къ этой страшной молвѣ, колебавшей русскій тронъ, присоединилось народное бѣдствіе, ужасный голодъ: дошло до того, что люди пожирали человѣческое мясо. Въ это бѣдственное для Россіи время, въ 1604 году, мнимый Димитрій, самозванецъ Гришка Отрепьевъ съ 4000 войска перешелъ русскій рубежъ. Сѣверскіе русскіе города въ Черниговской области возмутились и передались самозванцу.

Въ это время святитель Іовъ является охранителемъ законнаго правительства и народнаго спокойствія и издаетъ знаменательную грамоту. Въ этой грамотѣ, отъ 14 января 1605 года, описавъ происхожденіе самозванца и извѣстивъ

объ измѣнѣ литовскихъ и сѣверскхъ городовъ, святитель писалъ: «Великій Государь, Царь и Великій Князь, слыша толикое клятвеннаго и крестнаго цѣлованія преступленье и скорое нечаемое нахожденіе литовскихъ людей на Россійскую державу, прося у Бога помощи и у Пресвятой Богородицы и у великихъ чудотворцевъ и у всѣхъ святыхъ, послали своихъ государевыхъ бояръ и воеводъ Ѳедора Ивановича Мстиславскаго съ товарищи въ сѣверскіе города, а съ ними послали великую рать свою, а велѣли противъ литовскихъ людей, съ Божіею помощію, за святыя Божіи церкви, и за честныя иконы, и за нашу святую благочестивую вѣру и за свое царское сомодержавство Богомъ врученное ему россійскаго царства стояти храбровски и мужески». «И нынѣ благословляемъ преподобство твое (пишетъ святитель игумену Сольвычегодскаго монастыря) да подвигнешься трудолюбезно, да во всѣ-бъ *сеи Соли* вычегодскія и во весь уѣздъ, въ монастыри игуменомъ и по святымъ Божіимъ церквамъ разослать свои грамоты, съ поученіемъ и съ духовнымъ наказаніемъ, и велѣлъ бы еси созвати въ соборную церковь игуменовъ и протопоповъ и поповъ и дьяконовъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ и все православное христіанство и сію нашу грамоту велѣлъ прочести всѣмъ во всеуслышаніе, и того измѣнника, и преступника Креста Христова, и еретика, и отмѣтчика, и поругателя христіанскія вѣры, разстригу Гришку, что былъ въ мірѣ Юшка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, и бѣсовскимъ ученіемъ и королевскимъ умышленіемъ именоваше себе едино княземъ Димитріемъ, а впредь кто начнетъ на то прельщатися и ему вѣрить, а Государю похочетъ измѣнити, соборнѣ и всенароднѣ про-

кляли и впредь проклинать велѣли, да будутъ они вси прокляты и въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ. А мы здѣсь, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, съ митрополиты и со архіепископы и епископы, и со архимандриты и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ и со всѣми православными хрістіаны, такожъ ихъ вѣчному проклятію предахомъ».

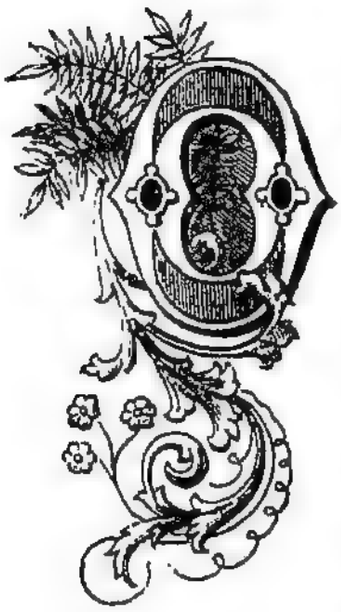
Такая грамота разослана была по всѣмъ церквамъ въ города и селенія всей Россіи. Между тѣмъ стотысячное русское войско слабо дѣйствовало противъ самозванца: воевода Салтыковъ измѣнилъ Борису подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ. Къ этому неожиданное обстоятельство посодѣйствовало еще успѣхамъ самозванца. Это—внезапная смерть Бориса. Патріархъ Іовъ, вѣрный своему долгу и законному Государю, писалъ въ полки, къ боярамъ и воеводамъ, укрѣплялъ всѣхъ, чтобы памятовали Бога и крестное цѣлованіе. Но смерть Бориса повергла въ уныніе и смятеніе столицу. Среди всеобщаго народнаго отчаянія и тяжкаго безпокойства Борисова семейства, неусыпно бодрствовалъ патріархъ Іовъ. Прежде всего онъ постарался успокоить столицу; потомъ, по его убѣжденію, Москва присягнула юному Ѳеодору Борисовичу.

Но клевреты самозванца уже дѣйствовали въ Москвѣ. Вспыхнулъ мятежъ. Патріархъ убѣждалъ народъ спасти православіе. Но злодѣи, во время богослуженія, ворвались въ алтарь и начали срывать съ Іова святительскія одежды. Святитель снялъ съ себя панагію, положилъ ее у чудотворной Владимірской иконы Божіей Матери и со слезами молился вслухъ всѣхъ. Чистая сердечная молитва раздражила бунтовщиковъ: они надѣли на Патріарха рясу простого монаха, позорно таскали его по площади и на-

конецъ, посадивши въ простую телѣгу, отвезли въ Старицкій Богородицкій монастырь, прежнюю его обитель. Здѣсь съ подобающею честію принялъ его настоятель монастыря архимандритъ Діонисій съ братіею. Около двухъ лѣтъ прожилъ Іовъ въ своемъ заточеніи и Діонисій всячески старался успокоить невиннаго страдальца и служить ему до самой его кончины.

Уже послѣ погибели самозванца и избранія царемъ Василія Ивановича Шуйскаго, а Патріархомъ Гермогена, Іовъ, уже слѣпой старецъ, по просьбѣ ихъ пріѣхалъ въ Москву, чтобы разрѣшить отъ клятвы народъ за присягу самозванцу. Народъ сталъ просить у Іова прощенія «съ великимъ плачемъ и неутѣшнымъ воплемъ». Іовъ далъ кающимся свое прощеніе. «Чада духовная, — говорилъ онъ, — во всѣхъ сихъ клятвопреступленіяхъ, надѣясь на щедроты Господа, прощаемъ васъ и разрѣшаемъ соборнѣ, да будетъ благословеніе Божіе на главахъ вашихъ. Впредь же молю васъ не дѣлать клятвопреступленій, потому что великое дѣло цѣловать честный и животворящій крестъ. Самъ Владыка нашъ Христосъ Богъ распялся за грѣхи наши, а вы съ клятвою и притомъ не однажды цѣловали этотъ животворящій крестъ и сдѣлались клятвопреступниками». Москвичи дали обѣщаніе не дѣлать этого и спокойно разошлись по домамъ. Іовъ возвратился въ Старицкую обитель и скончался 8-го марта 1607 года, избавившись отъ тяжелаго подвига видѣть дальнѣйшее испытаніе отечества при второмъ самозванцѣ и затѣмъ нашествіе на Русь поляковъ. Тѣло патріарха Іова перенесено въ Москву уже въ 1652 году, по указу царя Алексѣя Михайловича.

Патріархъ Игнатій.



Однимъ изъ первыхъ дѣйствій самозванца было избраніе Патріарха, вмѣсто низложеннаго Іова. По церковнымъ правиламъ, избраніе Патріарха въ Россіи предоставлено было собору русскихъ Святителей, а Государю принадлежала только власть утверждать одного изъ избранныхъ соборомъ кандидатовъ на патріаршество. Лжедимитрій же самъ избралъ Патріарха еще прежде вступленія въ Москву. Выборъ его палъ на Игнатія, архіепископа Рязанскаго. Это былъ грекъ, занимавшій прежде архіепископскую каѳедру на островѣ Кипрѣ. Вынужденный турками бѣжать изъ отечества, онъ поселился въ Римѣ и принялъ тамъ унію. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ онъ прибылъ въ Москву, подъ личиною православнаго, и при Годуновѣ получилъ въ управленіе Рязанскую епархію. Игнатій угодилъ самозванцу тѣмъ, что первый изъ русскихъ архіереевъ призналъ его царевичемъ Димитріемъ и съ царскою почестью

встрѣтилъ его въ Тулѣ. Вмѣстѣ съ самозванцемъ Игнатій явился въ Москву. Въ сказаніи современника о Гришкѣ Отрепьевѣ говорится, что «тотчасъ по удаленіи Іова въ Старицу, повелъ онъ еретикъ (Отрепьевъ) на святительскій престолъ россійскаго государства на патріаршество нарещи призвати съ Рязани Епископа Игнатія гречанина, угодника своего и возлюбленника, не пастыря и не учителя во святой соборной Апостольской церкви Пресвятыя Богородицы, но пьяницу и сквернословника по волѣ своей еретической самъ избираетъ». Этотъ Патріархъ совершилъ коронованіе Марины, мѵропомазалъ и причастилъ ее св. Дарами предъ вѣнчаніемъ съ самозванцемъ. Патріаршею каѳедрою Игнатій правилъ 11 мѣсяцевъ. Послѣ погибели самозванца, Патріархъ Игнатій за то, что не крестилъ Марину по православному, а только мѵропомазалъ, допустилъ ее къ таинству причащенія и къ таинству брака, низвергнутъ былъ соборомъ святителей съ Патріаршества, лишенъ архіерейства и въ качествѣ простаго монаха отосланъ въ Чудовъ монастырь подъ началъ, откуда онъ бѣжалъ въ Римъ. Ненависть къ нему русскихъ была такъ сильна, что современникамъ онъ представлялся «злокозненнымъ еретикомъ» и «лжепатріархомъ».

Патріархъ Гермогенъ.

Патріархъ Гермогенъ.

Святитель Гермогенъ жилъ въ самыя смутныя времена Русскаго государства, — во времена междуцарствія, и оставилъ по себѣ благоговѣйную память о своихъ подвигахъ для блага Церкви и Отечества. Онъ велъ свой родъ изъ донскихъ казаковъ и даже самъ былъ въ молодости казакомъ. До избранія въ патріаршество, Гермогенъ былъ священникомъ при гостинодворской церкви св. Николая Чудотворца въ Казани. Лишившись жены, онъ принялъ монашество и достигъ сана архимандрита Казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря.

Извѣстно, что онъ рукоположенъ въ Казанскаго Митрополита 13 мая 1589 года изъ архимандритовъ Казанскаго Спаскаго монастыря. Гермогенъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ архипастырей своего времени: онъ хорошо зналъ священное писаніе и церковную исторію. Лѣтописецъ такъ говоритъ объ умственномъ образованіи Гермогена: «Онъ былъ мужъ хитрословенъ и сладкорѣчивъ, отъ бо-

жественныхъ его словесъ присно народъ упояшеся и всякія книги ветхаго завѣта и новыя благодати и уставы церковные и правила законныя до конца извыче». По характеру своему Гермогенъ отличался стойкостію и твердостію, доходившими до самопожертвованія для нуждъ Церкви и Отечества. Это ясно показываетъ намъ его служеніе бѣдствующему въ его время Отечеству.

Послѣ погибели перваго Лжедимитрія, Михаилъ Молчановъ, бѣжавшій въ Польшу, успѣлъ настроить легковѣрные умы, что самозванецъ, признанный за истиннаго царевича Димитрія, не убитъ, а спасся. Украина снова взбунтовалась. Крестьяне возмутились противъ своихъ помѣщиковъ, отнимали у своихъ господъ вотчины и дѣлали жестокости и насилія. Помѣщики, въ свою очередь, переходили на сторону самозванца. Въ это-то бурное время Богъ и воздвигнулъ знаменитаго Святителя. Энергическій, бодрый и крѣпкій, Гермогенъ одинъ способенъ былъ бороться съ врагами православія и гражданскаго порядка Московскаго государства. Избранный немногочисленною партіею послѣ Лжедимитрія царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ слабъ тѣломъ и духомъ и не могъ подчинить бояръ, которые не хотѣли его слушаться, какъ своего бывшаго товарища. Новый правитель не внушалъ довѣрія ни къ своей силѣ, ни къ умѣнью побороть смуту. Святитель Гермогенъ стоялъ выше всѣхъ по твердости своихъ убѣжденій и непреклонности своего характера. Своимъ нравственнымъ вліяніемъ онъ царилъ надъ всѣмъ Московскимъ государствомъ. Непоколебимый поборникъ вѣры, Гермогенъ сталъ разсылать грамоты по всѣмъ городамъ Руси. Въ нихъ Святитель убѣждалъ, чтобы рус-

скіе оставались вѣрными царю Василію Ивановичу, что измѣнить ему и признать царемъ «Тушинскаго вора» — втораго самозванца—значитъ измѣнить вѣрѣ православной, отдать ее на поруганіе Литвѣ и Латинамъ, которые, воцаривъ втораго Лжедимитрія, не преминутъ разрушить православныя церкви, и что всѣ тѣ, которые измѣнятъ царю Василію, будутъ прокляты и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ. Возвѣщенная патріархомъ анаѳема измѣнникамъ царя и православной вѣры возъимѣла свое дѣйствіе: она обуздала ихъ неукротимые порывы; они раскаялись и просили патріарха принять ихъ въ общеніе.

Но все-таки смута была велика. Многіе города отложились отъ Шуйскаго. Въ войскѣ самозванца явился гетманъ Рожинскій, человѣкъ отважный, честолюбивый и корыстный. Въ 1609 году онъ явился съ войскомъ подъ Москвою, сражаясь за Лжедимитрія. Доблестный Патріархъ, видя уныніе царя, старался ободрить его и подвигнуть противъ непріятеля. Нѣкоторые недоброжелатели Шуйскаго уже требовали низложенія его; но патріархъ Гермогенъ «не велѣ на таковую діавольскую прелесть прельщатися» и объ этомъ разсылалъ грамоты. Смуты въ столицѣ на время замолкли. Всѣ ждали съ похода героя Михаила Скопина-Шуйскаго, племянника царя Василія. Михаилъ Васильевичъ Скопинъ разбилъ Сапѣгу и отогналъ его отъ Троицко-Сергіева монастыря. Между тѣмъ польскій король Сигизмундъ, намѣреваясь завоевать Русь для себя, отозвалъ тушинскихъ поляковъ къ себѣ и самозванецъ заперся въ Калугѣ. Къ сожалѣнію, Михаилъ Васильевичъ Скопинъ, знаменитый воевода, надежда Москвы и всей Руси, неожиданно скончался. Это возбудило подо-

зрѣніе на царя Василія. Бояре собрались низложить Шуйскаго. Онъ былъ низверженъ и постриженъ насильственно въ монахи, а правленіе поручено боярской Думѣ. Правдивый патріархъ громко возопилъ противъ такой несправедливости и не призналъ дѣйствительнымъ насильственное постриженіе Шуйскаго. Болѣзненно отозвалось это обстоятельство въ душѣ Гермогена и изъ этой, глубоко уязвленной бѣдствіями души Святителя вылились два воззванія къ народу, дышащія пламенною любовію къ царю и къ славѣ отечества.

По низложеніи Шуйскаго, правленіе перешло къ боярской Думѣ впредь до избранія царя. Въ этотъ промежутокъ времени, патріархъ Гермогенъ является вполнѣ главою Русскаго государства, оставшагося безъ главы политической. На добродѣтельнаго и сильнаго характеромъ Святителя обратились взоры всѣхъ благомыслящихъ людей, ища въ немъ опоры и утѣшенія въ бѣдственномъ положеніи отечества. Въ свою очередь поляки и русскіе измѣнники не спускали глазъ съ этого опаснаго для ихъ замысловъ двигателя русскихъ сердецъ. Его краснорѣчивыя, исполненныя пламенной любви къ отечеству, грамоты пересылались изъ одного мѣста въ другое; его святительское благословеніе ставили въ числѣ побужденій къ ополченію за вѣру и отечество.

Король польскій Сигизмундъ усилилъ свой напоръ на Смоленскъ войскомъ подъ начальствомъ гетмана Жолкѣвскаго. Русскіе измѣнники Салтыковъ и Ондроновъ, получивъ богатыя помѣстья отъ Сигизмунда, всѣми силами старались предать имъ Русскую землю и съ ожесточеніемъ и злобою преслѣдовали всѣхъ противниковъ королевскимъ

замысламъ. Несчастія отечества увеличивались. Всѣ увидѣли необходимость скорѣе избрать царя. Составилось совѣщаніе. Избиратели раздѣлились на партіи. Одна партія предлагала возвести на престолъ шведскаго королевича—ее поддерживали новгородцы. Другая партія хотѣла возвести на престолъ князя Василія Васильевича Голицына или юнаго Михаила Ѳедоровича Романова,—этой послѣдней партіи держался патріархъ Гермогенъ, склоняясь болѣе на сторону 14-ти-лѣтняго Михаила. Большая же часть хлопотала за польскаго королевича Владислава. Но патріархъ ставилъ при этомъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы королевичъ принялъ православную вѣру. «Патріархъ же Гермогенъ, говоритъ лѣтописецъ, съ прещеніемъ имъ глаголаше: будетъ креститься и будетъ въ православной христіанской вѣрѣ, то я благословляю, аще будетъ не креститься, то нарушеніе будетъ въ Московскомъ государствѣ православной христіанской вѣры и да не будетъ на васъ наше благословеніе». По общему рѣшенію бояръ, избрано было почетное посольство къ польскому королю Сигизмунду съ просьбою, чтобы онъ далъ своего сына на Московскій престолъ. Во главѣ этого посольства стояли митрополитъ Ростовскій Филаретъ и князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Сигизмундъ обѣщалъ дать сына своего на Московскій престолъ; но намѣреваясь самъ овладѣть Московскимъ государствомъ, день ото дня откладывалъ исполненіе своего обѣщанія. «Безбожный король—говоритъ русскій лѣтописецъ,—вознесеся мыслію и помрачися умомъ тьмою прелести, и сына своего на Московскій престолъ дати обѣщевается, въ сердцѣ же замышляетъ, дабы самому овладѣть Московскимъ государствомъ и соединить православіе

съ латынствомъ». Къ достиженію этой цѣли королю содѣйствовали русскіе измѣнники Михаилъ Салтыковъ и Ѳедоръ Ондроновъ. Они въ станѣ польскаго короля поклялись крестнымъ цѣлованіемъ дѣйствовать въ его пользу. Они старались обольстить бояръ надеждою получить отъ короля богатыя вотчины, употребляли также насилія, что тоже имѣло свое дѣйствіе. Одинъ Патріархъ стоялъ крѣпко и непоколебимо и за то много терпѣлъ отъ поляковъ. «Тогда же на блаженнаго Святителя соединишася, его же всячески одолѣти хотяху златомъ и ласканіемъ и прещеніемъ и мученіемъ; емужъ ничтожъ не одолѣ. Послѣдиже повелѣ его на святительскомъ дворѣ за стражбы держаши». Салтыковъ и Ондроновъ писали Сигизмунду, что Патріархъ призываетъ къ себѣ всякихъ людей и говоритъ явно: «если королевичъ не крестится въ православную вѣру и всѣ литовскіе люди не выѣдутъ изъ Московской земли, то королевичъ намъ не государь». Такія слова писалъ Патріархъ и въ грамотахъ во многіе города.

Между тѣмъ Тушинскій воръ изгибъ. Служившіе ему русскіе люди по необходимости должны были обратиться къ временному Московскому правительству. Города стали дѣйствовать между собою дружнѣе. Теперь предъ глазами русскихъ стояли одни поляки, хотѣвшіе покорить Русь своему владычеству и своей неправославной вѣрѣ. Изъ городовъ русскихъ составилось одно братство во Христѣ. Во главѣ этого братства стоялъ Святитель Гермогенъ, непоколебимый адамантъ, новый исповѣдникъ, какъ называли его города въ своихъ грамотахъ. Къ нему-то теперь старались примкнуть всѣ, стоявшіе за ненарушимость православной вѣры. Явственнѣе и устойчивѣе другихъ областей

стояли противъ поляковъ нижегородцы. Въ началѣ января 1611 года они отправили пословъ къ Патріарху. Посланные ими получили благословеніе отъ Патріарха на возстаніе противъ поляковъ, но грамоты не получили, потому что у Патріарха некому и нечѣмъ было писать: дьяки, подъячіе и всякіе дворовые люди были взяты и дворъ его разграбленъ. О благословеніи Патріарха на возстаніе нижегородцы отписали въ Рязань къ Прокопію Ляпунову. Впрочемъ возставшіе города оставались еще вѣрными Владиславу; они клялись только стоять за православную вѣру и не признавать короля Сигизмунда московскимъ царемъ.

Королевскіе совѣтники Михаилъ Салтыковъ и Ѳедоръ Ондроновъ прямо начали настаивать, чтобы бояре послали къ Сигизмунду двусмысленную грамоту за своими подписями, въ которой просили бы его прислать сына своего на московскій престолъ, а «въ прочемъ-де мы бояре, — диктовалъ Салтыковъ,—во всемъ покладаемся на волю твоего величества и все приводимъ къ тому, чтобы крестъ цѣловали самому королю». Грамоты отправлены были безъ патріаршей подписи. Послы русскіе и во главѣ ихъ митрополитъ Филаретъ, прочитавъ грамоту, сказали, что ее исполнить нельзя, потому что подъ ней нѣтъ патріаршей подписи. Тогда паны возразили, что Патріархъ особа духовная и въ земскія дѣла не вмѣшивается. Русскіе послы отвѣчали: «Изначала у насъ въ русскомъ царствѣ при прежнихъ великихъ государѣхъ такъ велось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, митрополитовъ и архіепископовъ и съ ними о всякихъ дѣлахъ совѣтовались, безъ ихъ совѣта ничего не приговари-

вали; и почитаютъ государи наши Патріарховъ великою честію, встрѣчаютъ и провожаютъ и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ. Теперь мы стали безгосударны и Патріархъ у насъ человѣкъ начальный, безъ Патріарха теперь о такомъ великомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже. Когда мы на Москвѣ были, то безъ патріархова вѣдома никакого дѣла бояре не дѣлывали, обо всемъ съ нимъ совѣтовались. И какъ патріарховы грамоты безъ боярскихъ то и боярскія безъ патріарховыхъ не годятся; надобно теперь дѣлать по общему совѣту всѣхъ людей». «Гонсѣвскій и Салтыковъ съ товарищи—говорится въ лѣтописи—видя могущественное вліяніе грамотъ Гермогена, «прихожаху къ нему, чтобы онъ писалъ къ боярамъ и ко всѣмъ ратнымъ людямъ, чтобы они отъ Москвы отошли прочь; а пришли-де они къ Москвѣ—говорили Гонсѣевскій да Салтыковъ,—по твоему письму, а буде ты не станешь писать къ нимъ, чтобы они отошли отъ Москвы, и мы-де тебя велимъ уморить злою смертію». Патріархъ отвѣтилъ имъ: «Что вы мнѣ угрожаете? Единаго Бога я боюся; буде же вы пойдете всѣ литовскіе люди изъ Московскаго государства, и я ихъ благословляю всѣхъ отойти прочь; а буде вамъ стояти на Московскомъ государствѣ, и я ихъ благословлю всѣхъ стояти и померети за православную вѣру!» Тотъ же Салтыковъ, слыша отъ Патріарха такія рѣчи, «наипаче ему дѣлаше тѣсноту.

Между тѣмъ поляки дѣлали въ Москвѣ русскимъ страшныя утѣсненія и насилія. Патріархъ видѣлъ, что русскіе не снесутъ этого и не разъ убѣждалъ польскихъ военачальниковъ, чтобы они убирались изъ Москвы. Но вмѣсто того, чтобы послушаться Патріарха, поляки твердили одно

и тоже: «напиши ратнымъ людямъ, чтобы они отъ Москвы отошли», и каждый разъ отъ непреклоннаго Святителя слышали одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Оставьте Москву, и я благословлю ратныхъ людей идти во свояси». Русское же ополченіе въ числѣ 100 тысячъ стояло подъ Москвою. Патріархъ подвергся въ Кремлѣ заключенію. Къ нему приставили воинскую стражу, не пускали къ нему ни мірянъ, ни духовныхъ, обходились съ нимъ то жестоко, то безчинно, то съ уваженіемъ, опасаясь народа, который любилъ своего архипастыря и благоговѣлъ предъ нимъ, какъ исповѣдникомъ православной вѣры, хранителемъ цѣлости государства и спасителемъ русской народности. Когда началось движеніе ратныхъ людей въ Нижнемъ-Новгородѣ, литовскіе люди и съ ними Салтыковъ и Ондроновъ, услышавши объ этомъ въ Москвѣ, послали къ Патріарху въ темницу, чтобы онъ отписалъ нижегородцамъ не ходить подъ Москву. Гермогенъ же, какъ великій исповѣдникъ, сказалъ имъ: «Да будутъ благословенни тѣ, кои идутъ на очищеніе Московскаго государства, а вы окаянніи, московскіе измѣнники, будете прокляти!» «И оттолѣ — говоритъ лѣтописецъ—начаша морити его гладомъ и уморипа его голодною смертію и предаде праведную душу свою въ руцѣ Божіи въ лѣто отъ сотворенія міра 7120-е».

1612 года, февраля 17, Святитель Гермогенъ, въ продолженіе шести лѣтъ твердо и непоколебимо стоявшій за церковь, отечество и русскую народность, умеръ; но имя его и по смерти слышалось въ устахъ тѣхъ, кои съ его благословенія выступили на очищеніе русской земли отъ поляковъ *).

*) Великій страдалецъ не дожилъ до свѣтлыхъ и радостныхъ дней

Тѣло Святителя Гермогена сначала было погребено въ Чудовѣ монастырѣ. Потомъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ перенесено оттуда 1652 года въ Успенскій соборъ и съ торжественностію поставлено подлѣ мѣднаго шатра ризы Господней. Никакое украшеніе не отличаетъ смиренной гробницы его; ничто не напоминаетъ о его доблестныхъ подвигахъ, достойныхъ удивленія и признательности всѣхъ своихъ современниковъ и потомства, но имя его никогда не изгладится изъ сердецъ русскихъ людей, любящихъ свое отечество.

освобожденія Москвы и отечества отъ поляковъ: ровно черезъ годъ послѣ кончины мученика, избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова совершилось по его указанію.

Патріархъ Филаретъ.

Филаретъ Никитичъ, Великій Государь и Патріархъ.

I.

Большой интересъ представляетъ жизнь и дѣятельность Патріарха Филарета Никитича Романова, родоначальника царствующаго дома Романовыхъ. Онъ достопамятенъ и какъ Патріархъ, призванный устроить церковь русскую, испытавшую много бѣдъ во времена самозванцевъ, и какъ соправитель сына своего царя Михаила Ѳедоровича, который сдѣлалъ своего отца соучастникомъ во всемъ государственномъ устроеніи отечества. Съ послѣдней стороны Патріархъ Филаретъ Никитичъ, носившій титулъ «Великаго Господина и Государя», есть единственное историческое лицо во всей исторической жизни русскаго народа, сосредоточившее въ себѣ высшую духовную и гражданскую (хотя и не единоличную) власть. Правда, и послѣ него Никонъ Патріархъ носилъ титло «Великаго Госпо-

дина»,—но только титло, безъ того значенія, безъ того вліянія, какое имѣлъ на дѣла Филаретъ Никитичъ.

Родоначальникомъ дома Романовыхъ былъ Андрей Ивановичъ, братъ нѣкоего прусскаго князя, выѣхавшій изъ Пруссіи въ Россію въ половинѣ XIV столѣтія. Потомки его, какъ отрасли княжескаго колѣна, были знамениты при дворѣ московскомъ по заслугамъ и чинамъ. Въ XVI вѣкѣ фамилія Романовыхъ породнилась съ царскимъ домомъ. Сестра Никиты Романовича Юрьева Анастасія была первою супругою Іоанна Грознаго. При дворѣ Грознаго Никита Романовичъ занималъ высокія должности государственныя и пользовался за свою опытность и умъ такою расположенностью Іоанна Грознаго, что онъ приказалъ ему руководить послѣ своей смерти слабаго сына своего Ѳеодора. Передъ смертію Никита Романовичъ принялъ монашество съ именемъ Нифонта и скончался въ 1581 году, оставивъ пятерыхъ сыновей; старшимъ изъ нихъ былъ Ѳеодоръ (въ иночествѣ Филаретъ) Никитичъ.

Годъ рожденія Ѳеодора Никитича полагаютъ между 1554 и 1560 годами. О молодости его извѣстно, что онъ отличался умомъ, любознательностью и начитанностью, былъ привѣтливъ съ русскими и иностранцами. По наружности своей онъ отличался такою красотою, что не было въ Москвѣ мужчины красивѣе его, такъ что его красота вошла въ пословицу. Женатъ онъ былъ на бѣдной дворянкѣ Ксеніи Ивановнѣ Шестовой, отъ которой имѣлъ пятерыхъ сыновей и дочь. Старшіе четыре сына его померли еще въ младенческихъ лѣтахъ, а дочь умерла въ замужествѣ; отца пережилъ только царь Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Служебная дѣятельность Ѳеодора Никитича извѣстна съ 1586 года, когда онъ былъ уже бояриномъ и намѣстникомъ нижегородскимъ и членомъ царской думы. Ѳеодоръ Никитичъ былъ особенно любимъ царемъ Ѳеодоромъ, который, по свидѣтельству нѣкоторыхъ современныхъ лѣтописцевъ, отказалъ ему царскій престолъ.

Борисъ Годуновъ, въ началѣ своего царствованія, относился къ Романовымъ наружно почтительно и любовно, но издавна имѣлъ «огнь ненависти, прикрытый свѣтлодушіемъ». Это, понятно, происходило отъ подозрительности Бориса, который видѣлъ въ Романовыхъ, какъ родственникахъ Рюрикова царскаго дома, опасныхъ себѣ соперниковъ. Впрочемъ, причинъ этой ненависти лѣтописцы не объясняютъ; но только въ 1601 году, въ іюнѣ, фамилія Романовыхъ подверглась опалѣ. Ѳеодоръ Никитичъ сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь, архангельской области, и тамъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Филарета; его жену сослали въ Егорьевскій погостъ, въ Обонежскую пятину, и также постригли съ именемъ Марфы. Михаилъ Ѳеодоровичъ съ княземъ Черкасскимъ, родственникомъ Романовыхъ, сосланъ на Бѣлоозеро. Имѣнія ихъ были конфискованы.

Тяжела была жизнь Филарета въ Сійскомъ монастырѣ. Къ нему былъ приставленъ приставъ Воейковъ, который не допускалъ къ нему никого, чтобы Филаретъ не завелъ какихъ-либо сношеній съ міромъ. Но еще болѣе тревоги доставляла Филарету неизвѣстность судьбы своей семьи. «Оставилъ дѣти малыя, кому ихъ поить, кормить?» — говорилъ онъ въ заточеніи. И о женѣ онъ думалъ, что она «замчена такъ далеко, что и слухъ не зайдетъ». Потомъ

подозрительный Борисъ, видя и въ немъ претендента на свой поколебленный самозванцемъ тронъ, велѣлъ посвятить Филарета во іеромонаха, а потомъ возвести въ санъ архимандрита.

Но вскорѣ обстоятельства измѣнились. Въ 1605 году воцарившійся Лжедимитрій возвратилъ Романовыхъ изъ ссылки, какъ мнимыхъ своихъ родственниковъ. По волѣ самозванца, Филаретъ Никитичъ вызванъ былъ изъ Сійскаго монастыря и посвященъ въ митрополита городу Ростову.

У Филарета Никитича конечно не могло быть и тѣни сомнѣнія въ томъ, кто сидѣлъ теперь на престолѣ московскомъ и считалъ себя родственникомъ фамиліи Романовыхъ. Лжедимитрія знали многіе, но молчали, «не смѣя дерзнуть возвѣстить о немъ, боясь мукъ»; тѣмъ болѣе могъ знать его Филаретъ, какъ близкій человѣкъ ко двору московскому,—но и онъ молчалъ, быть можетъ, боясь мукъ, какъ боялись и многіе другіе.

17 мая 1606 года Москва уже ругалась надъ трупомъ самозванца. Филаретъ Никитичъ, остававшійся, какъ думаютъ, въ Москвѣ во все время самозванца, конечно былъ свидѣтелемъ всѣхъ бурныхъ событій того времени. Со смертію Лжедимитрія, говоритъ лѣтописецъ, «вси епископи яко отъ сна возбудишася и въ разумъ истины пріидоша». Первою заботою ихъ было избраніе Патріарха, вмѣсто низложеннаго Игнатія. Патріархомъ избранъ митрополитъ казанскій Гермогенъ.

19 мая 1606 года собрались на Лобное мѣсто духовные и свѣтскіе чины и люди Московскаго государства и избрали царемъ князя Василія Ивановича Шуй-

скаго. Филаретъ Никитичъ также участвовалъ въ избраніи царя. Какъ митрополиту ростовскому, ему назначено было, по церемоніалу, при вѣнчаніи Шуйскаго на царство, вмѣстѣ съ митрополитомъ Крутицкимъ, принимать царскій чинъ: крестъ, скипетръ и яблоко, для поднесенія первоприсутствующему.

Послѣ вѣнчанія на царство Шуйскаго, Филаретъ Никитичъ долженъ былъ немедленно и спѣшно отправиться въ Угличъ для открытія и перенесенія мощей Димитрія царевича, которыя и прибыли въ Москву 3 іюня 1606 года. Но ни смерть перваго самозванца, ни открытіе мощей царевича Димитрія не спасли земли русской отъ втораго самозванца, съ которымъ также какъ и съ первымъ пришлось стать лицемъ къ лицу митрополиту Филарету Никитичу.

Въ ноябрѣ 1606 года мы видимъ Филарета Никитича въ Ростовѣ на своей каѳедрѣ. 29 числа онъ получилъ богомольную грамоту отъ Патріарха Гермогена. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій тогда велъ войну съ приверженцами царика, и Патріархъ назначилъ вездѣ молиться о побѣдѣ и одолѣніи. Вызванный этою грамотою Филаретъ Никитичъ, по долгу службы и указу патріаршему, 30 ноября разослалъ свои грамоты, изъ которыхъ до насъ дошла грамота протопопу устюжскаго собора Константину. Документъ этотъ заключаетъ въ себѣ всю грамоту Патріарха, извѣщеніе о томъ, что въ Ростовѣ онъ, митрополитъ, съ соборомъ служилъ обѣдни и приказаніе протопопу молиться о тишинѣ міра и здравіи Богомъ даннаго царя Василія Ивановича.

Какъ митрополитъ ростовскій, ярославскій и бѣлозер-

скій, Филаретъ Никитичъ вѣроятно не мало имѣлъ заботъ по управленію обширною митрополіею, хотя свидѣтельства о его распоряженіяхъ и не сохранилось до нашего времени.

Недолго пришлось Филарету Никитичу управлять ростовскою митрополіею. Въ Ростовѣ, по свидѣтельству актовъ, «жили просто и совѣту въ людяхъ и обереганья въ то время, когда уже бродили шайки поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, не было». Одинъ изъ отрядовъ Сапѣги, стоявшаго подъ Троицкою лаврою, двинулся къ сѣверу. На пути онъ нашелъ себѣ въ Переяславцѣ единомышленниковъ и съ ними подошелъ къ Ростову. 11 октября 1611 года, воевода Сеитовъ вышелъ на встрѣчу Переяславцамъ и полякамъ съ цѣлію дать отпоръ, но былъ разбитъ: его войско оттѣснили въ городъ. Ростовцы, видя приближающуюся бѣду, обратились къ митрополиту и умоляли его уйти скорѣе въ Ярославль. Но просьбы были напрасны. Филаретъ Никитичъ, говоритъ лѣтописецъ, рѣшительно отказался отъ бѣгства и, какъ столбъ непоколебимый, приводилъ людей Божіихъ на то, чтобы стояли за вѣру истинную и крестное цѣлованіе. Однако между ростовцами было много малодушныхъ. На вторичныя просьбы ростовцевъ покинуть городъ, которому грозило разореніе, Филаретъ Никитичъ отвѣчалъ: «Я хочу подражать своему Учителю и не желаю быть наемникомъ, а настоящимъ пастыремъ врученныхъ мнѣ овецъ и за нихъ положу душу свою. Если вы побьете непріятеля, будете свободны; если будете побиты, отъ Бога пріемлете вѣнцы». Но рѣчи митрополита мало дѣйствовали; его опять стали просить оставить городъ. «Аще и многія муки претерплю, а дому Пречистыя Богородицы и ростовскихъ чудотвор-

цевъ не покину»,—отвѣтилъ онъ и пошелъ въ соборную церковь. Видя такую рѣшимость митрополита на все чтобы ни случилось, одни изъ гражданъ отправились за нимъ, другіе побѣжали въ Ярославль. У самыхъ дверей церковныхъ произошла битва съ поляками и переяславцами и ростовцевъ одолѣли. Митрополита схватили, сняли съ него святительскія одежды, надѣли ризы языческія, и въ татарской шапкѣ, босого, посадили на возъ съ какою-то женкою и повезли въ Тушино, гдѣ былъ царикъ. Этимъ позорнымъ плѣномъ въ Тушинѣ закончилось служеніе Филарета Никитича каѳедрѣ ростовской.

Тушинскій самозванецъ принялъ знаменитаго плѣнника ласково и даже возвелъ въ достоинство Патріарха. «Желая притянути его къ своей прелести, говоритъ Палицынъ,—облекли его всѣми священными ризами и златымъ поясомъ почествовали и служити ему рабовъ дали; но разумный Филаретъ Никитичъ, по замѣчанію того-же лѣтописца, пребысть твердо въ православной вѣрѣ, не приклонився ни на десно, ни на шуе». Этотъ позорный плѣнъ продолжался полтора года. Уже поляки везли въ плѣнъ Филарета Никитича, но русскіе разбили Рожинскаго и отбили митрополита 14 марта 1610 года.

Между тѣмъ Шуйскій былъ сверженъ съ престола и постриженъ. Подъ давленіемъ поляковъ, русскіе согласились призвать на царство польскаго королевича Владислава. 10 сентября 1610 года громадное посольство, во главѣ съ Филаретомъ Никитичемъ и княземъ Голицынымъ, отправилось подъ Смоленскъ. Переговоры ни къ чему успѣшному для поляковъ не привели. Въ Москвѣ собрался земскій соборъ и царемъ избранъ былъ сынъ

Филарета Никитича Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Филаретъ же Никитичъ, вмѣстѣ съ другими послами, содержался въ плѣну у поляковъ и пробылъ тамъ до 1-го марта 1619 года. Затѣмъ обѣ стороны, русскіе и поляки, размѣнялись плѣнниками. Филаретъ Никитичъ былъ вымѣнянъ на Струся, плѣннаго польскаго магната.

II.

Возвращеніе Филарета Никитича изъ плѣна имѣло видъ необычайнаго торжества. Во все путешествіе знаменитаго плѣнника отъ Вязьмы къ Москвѣ ѣздили гонцы, то отъ Царя къ митрополиту, то отъ митрополита къ Царю, чтобы спросить о здоровьѣ или получить благословеніе. Пріемъ Филарету Никитичу былѣ сдѣланъ такой торжественный, что ни одинъ изъ патріарховъ, ни даже царей не былъ встрѣчаемъ съ такою пышностію. Впечатлѣніе было такъ сильно, такъ подѣйствовало на народъ, что не замедлило выразиться въ формѣ народной пѣсни. На Филарета Никитича смотрѣли какъ на мученика за Московское государство и за всѣхъ православныхъ христіанъ, который «стоялъ твердо противъ злодѣевъ поляковъ и ихъ бискуповъ, не боясь отъ нихъ ничего».

14 іюня Филаретъ Никитичъ прибылъ подъ Москву. За пять верстъ отъ столицы, на рѣчку Ходынку, вышли бояре и Государь съ множествомъ народа. Михаилъ Ѳеодоровичъ сошелъ съ коня, принялъ благословеніе и сердечное цѣлованіе и поклонился до земли митрополиту — отцу. Митрополитъ поклонился до земли сыну—царю, и

оба «лежаста на земли, отъ очію, яко рѣки, радостныя слезы проліяху и вкупѣ чудяшеся, како отъ толикія бѣды освободишася и отъ толикихъ врагъ навѣтуеми и лишаеми синклитства, царство пріяша». Народъ плакалъ, смотря на это свиданіе.

Какъ только Филаретъ Никитичъ возвратился въ Москву, приходили къ Государю власти, бояре и всѣмъ народомъ московскимъ били челомъ, чтобы онъ, Государь, упросилъ отца быть Патріархомъ. Такимъ образомъ избраніе на патріаршій престолъ Филарета Никитича было общенароднымъ. Патріархъ Іерусалимскій Ѳеофанъ, бывшій тогда въ Москвѣ, познакомившись съ возвратившимся митрополитомъ и другими русскими іерархами, не находилъ ни одного между ними болѣе достойнаго къ воспріятію престола патріаршаго, чѣмъ Филаретъ Никитичъ.

24 іюня происходило поставленіе въ Патріарха Московскаго и всея Россіи Филарета. Послѣ посвященія былъ столъ у Государя. Святѣйшій Патріархъ Филаретъ сидѣлъ за однимъ столомъ съ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Мало посидѣвъ, онъ по обычаю творилъ шествіе на осляти вокругъ города. Царь и новый Патріархъ богато одарили Іерусалимскаго Патріарха Ѳеофана и кромѣ того дали богатую милостыню на выкупъ плѣнныхъ.

Новопоставленный Патріархъ получилъ въ подарокъ отъ Царя золотую панагію, украшенную драгоцѣнными камнями, бархатную мантію съ источниками, низанными жемчугомъ, и бѣлый клобукъ, шитый золотомъ и украшенный камнями.

Первою заботою новаго Патріарха была забота объ устройствѣ раззоренной Церкви. Состояніе русскихъ церк-

вей въ то время было весьма печальное. Въ переписныхъ книгахъ того времени встрѣчаются, напримѣръ, такія свѣдѣнія о состояніи церкей и монастырей: «на посадѣ монастырь, а въ немъ церковь ветха, стоитъ безъ пѣнія, запустѣла съ такого-то года», или: «такой-то монастырь раззоренъ до основанія, игумена въ томъ монастырѣ и старцевъ нѣтъ ни одного человѣка и церковь стоитъ безъ пѣнія и образовъ и книгъ нѣтъ и вотчины всѣ раззорены до основанія». «Съ дней Шуйскаго, замѣчаетъ лѣтописецъ,—померче всякая добродѣтель и вся злая покрыша русскую землю, и церквамъ и монастырямъ и градамъ и всему христіанству потребленіе всюду несказанно».

Жалованными грамотами, ругами и льготами положено было начало устроенія церкви, пострадавшей отъ раззоренія въ смутное время. Заботливость правительства о церкви простиралась далеко и обнимала всю землю отъ предѣловъ далекаго сѣвера до южныхъ границъ тогдашней Руси. Во время патріаршества Филарета Никитича возобновлены и вновь устроены были, по его благословенію, многіе монастыри, таковы: Макарьевъ, Желтоводскій, Игрицкій, Козловскій, Троицкій, Черноморскій, Бѣлградскій Николаевскій, Лебедянскій Троицкій, Нижегородскій Печерскій, Воронежскій женскій, Ѳеодоровскій Московскій, Спасскій Сѣвскій, Югская пустынь, Богородицкая Плющанская, Толбиновый Астраханскій, Троицкая Община, Анзерскій скитъ, Алексѣевскій монастырь и другіе. Патріархъ въ устроеніи монастырей принималъ большое участіе не однѣми только благословенными грамотами, но также и денежными пособіями. Много осталось памятниковъ заботливости Патріарха о частной благотворитель-

ности его русскимъ церквамъ. И не на одну русскую церковь обращено было вниманіе Царя и Патріарха. Они надѣляли также бѣдствовавшую церковь греческую. Во все время царствованія Михаила Ѳеодоровича мы видимъ въ Россіи постоянно приходившихъ за милостынею грековъ.

Выдающимся событіемъ въ Русской Церкви въ патріаршество Филарета Никитича было принесеніе изъ Персіи Ризы Господней и установленіе празднованія ей. Въ февралѣ 1628 года прибыли въ Москву персидскіе послы, а въ мартѣ, представляясь Царю и Патріарху, поднесли Филарету золотой ковчегъ, украшенный камнями и бирюзой, говоря такую рѣчь: «Государь, Аббасъ-Шахъ прислалъ къ тебѣ, великому святителю, ковчегъ золотъ, а въ немъ Великаго и Славнаго Іисуса Христа срачица». Патріархъ принялъ ковчегъ съ благодарностью. Послѣ долгихъ испытаній о томъ, дѣйствительно-ли это Риза Господня, Патріархъ собралъ соборъ, послѣ котораго торжественно было объявлено синклиту и народу о Ризѣ Господней и она положена въ мѣдной каморѣ, устроенной Филаретомъ Никитичемъ, а митрополиту Кипріану Патріархъ поручилъ составить службу.

При Патріархѣ Филаретѣ произошла канонизація святыхъ угодниковъ Божіихъ: Макарія Унженскаго чудотворца и Авраамія игумена Городецкаго, и установлены имъ празднества.

Еще въ XVI вѣкѣ, во времена знаменитаго Максима Грека, находились въ Москвѣ образованные люди, которые замѣтили разнорѣчія, попадавшіяся въ различныхъ тогда рукописныхъ богослужебныхъ книгахъ, и грубыя искаженія смысла. Вслѣдствіе этого, естественно возникла

мысль о необходимости сдѣлать тщательное исправленіе ихъ. Введеніе въ Россіи книгопечатанія сильно подвинуло вопросъ о необходимости исправленія богослужебныхъ книгъ; при всякомъ печатаніи разнорѣчіе списковъ вызывало необходимость въ справщикахъ книгъ, которые должны были изъ многихъ различныхъ списковъ избрать тотъ, который былъ согласенъ съ греческими книгами, потому что славянскія богослужебныя книги переведены съ греческихъ. Исправительная дѣятельность невольно затихла съ наступленіемъ смутнаго времени. Но съ восшествіемъ на патріаршій престолъ Филарета исправленіе богослужебныхъ книгъ возобновилось. По повелѣнію патріарха, былъ исправленъ и напечатанъ нѣсколько разъ Требникъ и Служебникъ, кромѣ того: Минеи, Октоихъ, Шестидневъ, Псалтирь, Апостолъ, Часословъ, Тріодь Цвѣтная и Постная, Евангеліе напрестольное и учительное. Въ предисловіи къ Минеи было высказано, что хотя богослужебныя книги издавна переведены были съ греческаго языка на славянскій, но многіе переписчики выбрасывали слова и передѣлывали выраженія по своему разумѣнію. Для достиженія бо̀льшаго единства, Патріархъ приказывалъ собирать по всѣмъ городамъ древніе харатейные списки разныхъ переводовъ и исправлять по нимъ замѣченныя погрѣшности, «дабы сочетать во единогласіе всѣ потребы и чины церковнаго священноначалія». Эти харатейные списки доставлялись прямо къ Патріарху, который самъ внимательно просматривалъ ихъ. Но Патріархъ сознавалъ, что для исправленія книгъ нужна была подготовка и прежде всего знаніе греческаго языка, а въ то время въ Московскомъ государствѣ совсѣмъ не было под-

готовленныхъ для этого людей, такъ какъ почти никто не владѣлъ греческимъ языкомъ, необходимымъ при сравненіи перевода съ греческимъ подлинникомъ. Все это хорошо сознавалъ Патріархъ Филаретъ, видѣвшій единственное средство разумнаго исправленія въ научной провѣркѣ текста. Съ этою цѣлію онъ учредилъ въ Москвѣ Эллино-Славянскую школу при Чудовомъ монастырѣ и назначилъ руководителемъ ея греческаго іеромонаха Арсенія, который и занялся тщательнымъ исправленіемъ книгъ.

Устрояя церкви Божіи въ землѣ Московской, Патріархъ Филаретъ обратилъ свою пастырскую заботливость и на далекую Сибирь.

Тамъ учреждена была архіепископская каѳедра въ городѣ Тобольскѣ. Въ 1620 году Патріархъ созвалъ соборъ русскихъ святителей, на которомъ и былъ избранъ на каѳедру Тобольскаго архіепископа архимандритъ Новгородскаго Хутынскаго монастыря Кипріанъ, «мужъ просвѣщенный и ревностный и собственнымъ примѣромъ учащій учитель». Патріархъ наказывалъ ему озаботиться исправленіемъ нравовъ въ русскихъ поселенцахъ Сибири и обращать ко Христу дикія племена инородцевъ.

Патріархъ Филаретъ скончался 1633 года, 1-го октября. На каменной гробницѣ Патріарха въ Успенскомъ соборѣ находится слѣдующая надпись: «1-го октября, въ послѣдній часъ дня, преставися Великаго Государя Царя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи Самодержца, по плотскому рожденію отецъ, а по духовному чину отецъ и богомолецъ, Великій Господинъ и Государь, Святѣйшій Филаретъ, Божіею Милостію Патріархъ Московскій и всея Россіи».

Патріархъ Іоасафъ.

оасафъ I былъ родомъ изъ боярскихъ дѣтей, принялъ монашеское постриженіе въ Соловецкомъ монастырѣ, потомъ служилъ при Новгородскомъ митрополитѣ Исидорѣ, бывшемъ прежде Соловецкимъ игуменомъ. Въ 1621 году Іосафъ былъ сдѣланъ архимандритомъ Псково-Печерскаго монастыря, а 1-го января 1627 года посвященъ въ санъ Псковскаго архіепископа. Святѣйшій Филаретъ Никитичъ, передъ своею кончиною, самъ указалъ и благословилъ преемника себѣ въ лицѣ смиреннаго и благочестиваго архіепископа Псковскаго Іоасафа. Но хотя Іоасафъ избранъ былъ на патріаршество еще при жизни своего предмѣстника Патріарха Филарета, но установленная форма патріаршаго избранія соблюдена была и надъ нимъ.

Въ 31-й день января 1634 года Новгородскій митрополитъ Кипріанъ и съ нимъ другіе архіереи, по повелѣнію Государя, избрали въ Успенскомъ соборѣ трехъ кандидатовъ на патріаршество: Варлаама митрополита Ростовскаго, Варлаама архіепископа Вологодскаго и Іоасафа

Патріархъ Іосаафъ.

архіепископа Псковскаго, и прямо изъ собора принесли актъ избранія въ палаты Государя. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ указалъ быть Патріархомъ Іоасафу, архіепископу Псковскому. На другой день, 1-го февраля, совершилось нареченіе Іоасафа, а 6-го февраля Іоасафъ былъ поставленъ въ Патріарха. Михаилъ Ѳеодоровичъ, извѣщая всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ о кончинѣ своего отца, извѣщалъ также, что «священнымъ соборомъ избранъ и законно поставленъ Великія Россійскія церкви Патріархомъ Псковскій архіепископъ святѣйшій Кѵръ Іоасафъ, мужъ благоразумный, правдивый, благоговѣйный и наученный всякой добродѣтели». Патріархи восточные отвѣчали, что утверждаютъ своимъ согласіемъ это законное рукоположеніе Патріарха.

Едва прошелъ мѣсяцъ со времени посвященія Патріарха Іоасафа, какъ ему пришлось употребить одну изъ самыхъ строгихъ мѣръ противъ Суздальскаго архіепископа Іосифа Курчевича. Уроженецъ юго-западной Руси, склонный къ уніи, посвященный патріархомъ іерусалимскимъ Ѳеофаномъ во епископа Владиміро-Волынскаго и Брестскаго, Іосифъ прибылъ въ Москву въ 1625 году и получилъ архіепископію Суздальскую. Здѣсь онъ пріобрѣлъ себѣ нехорошую славу. Въ 1630 году нѣкоторые посадскіе жители Суздаля жаловались Царю Михаилу Ѳеодоровичу, что архіепископъ Іосифъ, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ изъ дома, прислалъ на посадъ своихъ боярскихъ дѣтей со многими дворовыми людьми и разграбилъ ихъ кожевни, не смотря на крики и вопли ихъ женъ и дѣтей и убѣжденія сбѣжавшагося народа, и что вообще «отъ насильству и грабежу архіепископлеву» н. посадѣ

жить невозможно. За это архіепископа Іосифа постигла тяжкая кара. По царской грамотѣ 21 марта 1634 года онъ былъ сосланъ въ Сійскій монастырь, холмогорскаго округа, подъ крѣпкое начало за его безчинство, за то, что «онъ живетъ не по святительскому чину, дѣлаетъ многія непристойныя дѣла». Но Іосифъ еще не былъ лишенъ архіерейства и въ монастырѣ «велѣно ему быти во святительскомъ чину съ панагіею», но запрещено было пускать его въ церковь до полученія указа. Не долго пришлось ждать новаго указа. 14 сентября того 1634 года послана въ Сійскій монастырь грамота Патріарха Іоасафа, которою окончательно рѣшалась участь несчастнаго архіепископа. Дѣло его разсматривалось на соборѣ. Отцы собора постановили снять съ Іосифа святительскій санъ. Патріархъ Іоасафъ въ своей грамотѣ приказывалъ, чтобы монастырскія власти Сійскаго монастыря собрали всѣхъ своихъ священниковъ и иноковъ, поставили предъ собою бывшаго архіепископа Іосифа, прочитали передъ всѣми присланную грамоту, а потомъ сняли съ Іосифа святительскія одежды и панагію и облекши его въ чернецкое платье, а стрѣлецкій голова Иларіонъ Лопухинъ отвезъ его, по государевой грамотѣ, въ Соловецкій монастырь, откуда послѣ онъ перевезенъ былъ въ Казанскій Зилантовъ монастырь, гдѣ и умеръ 15 іюля 1642 года.

Въ первый годъ управленія Русскою Церковью Патріарху Іоасафу сдѣлалось извѣстно, что въ Москвѣ и загородныхъ мѣстамъ, по церквамъ соборнымъ и приходскимъ, чинятся мятежи, соблазнъ и нарушеніе вѣры. Пѣніе церковное говорятъ наскоро, голосовъ въ пять, въ шесть и болѣе, со всякою небрежностью. А міряне стоятъ

въ церкви съ безстрашіемъ, во время св. пѣнія творятъ неподобныя бесѣды со смѣхомъ, поученія св. Отцевъ презираютъ, наставленій отъ священниковъ не пріемлютъ и самихъ священниковъ поносятъ и укоряютъ. Иные же священники и сами бесѣдуютъ и безчинствуютъ въ церкви и, угождая мірянамъ, не поучаютъ ихъ благочинію и благоговѣнію. Дѣти поповскіе и мирскихъ людей, во время церковной службы, безчинствуютъ въ алтарѣ.

Слыша о такомъ безчиніи въ св. Божіихъ церквахъ и о нерадѣніи духовенства, Патріархъ Іоасафъ далъ 14 августа 1636 года, на имя своего тіуна Ивана Манойлова и одного изъ главныхъ поповскихъ старостъ въ Москвѣ, Никольскаго попа Панкратія, свою «Память» и приказалъ, чтобы собрали всѣхъ поповскихъ старостъ, прочитали имъ эту «Память» и велѣли, списавъ ее въ спискахъ, разослать по всѣмъ Московскимъ и загороднымъ церквамъ. Въ «Памяти» Патріархъ наказываетъ, чтобы священники и діаконы жили со всякимъ благочиніемъ и попеченіемъ о своихъ церквахъ и церковное пѣніе исправляли по преданію св. Апостоловъ и св. Отцевъ; чтобы православные христіане стояли въ церкви со страхомъ и благоговѣніемъ, слушали церковное пѣніе и поученіе и неподобныхъ бесѣдъ между собою не творили; чтобы заутрени въ воскресные и праздничные дни пѣли священники не очень поздно и не очень скоро, читали на заутреняхъ для народа учительныя Евангелія, поученія, житія св. Отцевъ, повѣсти изъ прологовъ и статьи изъ другихъ учительныхъ книгъ, какія есть въ церкви; чтобы учили своихъ духовныхъ дѣтей и прочихъ христіанъ, приходящихъ въ церковь, страху Божію и всякому благочинію и наставляли

ихъ, какъ молиться Богу и Его угодникамъ, какъ вообще отсѣкать злые нравы и исполнять заповѣди Божіи; чтобы пономарей при церквахъ молодыхъ и неженатыхъ не держали; мірянамъ и поповскимъ дѣтямъ входить въ алтарь не позволяли; нищимъ ходить по церкви и просить милостыню запрещали, а велѣли имъ стоять внѣ церкви въ притворѣ церковномъ. Въ заключеніе Патріархъ приказывалъ о неисправныхъ и нерадивыхъ священникахъ извѣщать Патріарха.

Случались нарушенія благочинія и между церковными властями, митрополитами, архіепископами и епископами, архимандритами и игуменами, когда они съѣзжались въ Москву на соборы и участвовали здѣсь въ соборныхъ богослуженіяхъ, или приглашались къ Царю для трапезы, или къ Патріарху для совѣщаній. Тутъ происходило своего рода мѣстничество: иные хотѣли стоять и сидѣть выше другихъ и отъ того происходили столкновенія. Для устраненія этого, Патріархъ Іосафъ составилъ «Лѣствицу властемъ», въ которой ясно указалъ каждому изъ архіереевъ и монастырскихъ настоятелей свое мѣсто.

Въ Сибирскомъ краѣ хотя уже утвердилось христіанство и былъ свой постоянный архіерей, жившій въ городѣ Тобольскѣ, но все еще ощущалась крайняя нужда въ достойныхъ священно-служителяхъ. Въ 1635 году Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ писалъ Вологодскому архіепископу Варлааму, чтобы онъ выбралъ въ Вологдѣ и во всей своей епархіи протопопа для Тобольска, да двухъ поповъ черныхъ и трехъ бѣлыхъ для Тобольска и другихъ городовъ Сибири. Воля Государя была исполнена. Туда послано было требуемое духовенство и всѣмъ отправленнымъ назна-

чено было на подъемъ и проѣздъ изъ Государевой казны жалованье, а бѣлымъ попамъ дана возможность продать свои дома и хозяйства и взять съ собою свои семейства.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ при Патріархѣ Іоасафѣ продолжалось безостановочно и издано книгъ даже больше, чѣмъ при Патріархѣ Филаретѣ. Для сличенія и исправленія книгъ, приготовлявшихся къ печати, требовались старинныя рукописи изъ монастырей, какъ напримѣръ изъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, въ которомъ находилась огромная библіотека старинныхъ рукописей. Для выбора новыхъ справщиковъ потребованы были въ 1641 году изъ всѣхъ русскихъ монастырей въ Москву «старцы добрые и черные попы и діаконы, житіемъ воздержательны и грамотѣ горазды», которые должны были явиться въ Приказъ Большаго Дворца къ Государеву боярину, Алексѣю Михайловичу Львову, завѣдывавшему печатнымъ дворомъ.

Значеніе Патріарха Московскаго и всея Россіи во дни Патріарха Іоасафа уменьшилось. Его уже не величали Великимъ Государемъ, какъ величали Филарета Никитича, а титуловали только Великимъ Господиномъ. Государь уже не ставилъ имени Патріарха на ряду съ своимъ или послѣ своего, даже вовсе не упоминалъ о Патріархѣ въ своихъ указахъ по дѣламъ государственнымъ. Но, впрочемъ, случалось, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ обращался и къ Патріарху Іоасафу даже по государственнымъ дѣламъ, какъ водилось прежде, какъ это было теперь относительно вопроса о крымскомъ ханѣ.

Патріархъ Іоасафъ былъ строгій инокъ, смиренный и благочестивый. Онъ скончался 24 ноября 1642 года.

Патріархъ Іосифъ.

Съ кончиною Патріарха Іоасафа, по зову Царя Михаила Ѳеодоровича, явились въ Москву три митрополита: Афѳоній Новгородскій, Варлаамъ Ростовскій, Серапіонъ Сарскій, два архіепископа: Серапіонъ Суздальскій, Моисей Рязанскій и одинъ епископъ — Рафаилъ Коломенскій, со множествомъ архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и священниковъ. Когда прибывшіе іерархи представлялись Государю, онъ просилъ ихъ прежде всего вознести усердныя молитвы къ Богу, да даруетъ Онъ Церкви Своей новаго верховнаго пастыря и учителя.

А когда они удалились, Царь велѣлъ приготовить шесть жребіевъ и написать на нихъ имена, на каждомъ жребіи по одному имени тѣхъ шести лицъ, которыхъ самъ же предварительно избралъ. Всѣ эти жребіи Царь запечаталъ своею царскою печатью и отослалъ чрезъ боярина своего князя Алексѣя Михайловича Львова въ соборную церковь къ находившимся тамъ святителямъ, съ тѣмъ, чтобы они, помолившись Богу и Пречистой Богородицѣ, вынули предъ

Патріархъ Іосифъ.

ея Чудотворною иконою Владимірскою одинъ изъ присланныхъ жребіевъ «кого Богъ изволитъ и Пречистая Богородица изберетъ быти Патріархомъ», тотъ жребій прислали бы не распечатаннымъ къ Государю.

Святители взяли сначала три жребія, положили ихъ въ драгоцѣнную панагію, которую носили прежніе патріархи, поставили ее предъ Чудотворною иконою и начали молебствіе. По окончаніи молебствія старшій изъ архіереевъ Новгородскій митрополитъ Афѳоній, велѣлъ Ростовскому митрополиту Варлааму вынуть одинъ изъ трехъ находившихся въ панагіи жребіевъ и держать въ рукахъ, а два остальные отложить. Потомъ положили въ ту же панагію другіе три жребія изъ шести присланныхъ царемъ, поставили ее предъ тою же иконою, вновь совершили молебствіе и изъ панагіи вынутъ еще одинъ жребій митрополитомъ Серапіономъ, а два остальные отложены. Наконецъ, въ ту же панагію положили два прежде вынутые изъ нея жребія и поставили ее предъ Чудотворною иконою Богоматери.

По окончаніи третьяго молебствія, одинъ изъ этихъ двухъ жребіевъ вынулъ архіепископъ Суздальскій Серапіонъ и поднесъ митрополиту Афѳонію и всему собору. Афѳоній, не распечатывая жребія, отдалъ его князю Львову для представленія Государю. Царь распечаталъ жребій предъ всѣмъ своимъ царскимъ синклитомъ и объявилъ, что «благослови Богъ и Пречистая Богородица быти Патріархомъ Іосифу, архимандриту Симонова монастыря» и тотчасъ же послалъ князя Львова въ соборную Церковь возвѣстить о томъ самому архимандриту Іосифу предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ. Такое необычайное избраніе Іосифа

на патріаршество совершилось 20 марта 1642 года. На слѣдующій день происходило нареченіе, а 27 марта и самое посвященіе архимандрита Іосифа въ Патріарха, въ присутствіи Государя.

Вступивъ на патріаршую каѳедру, Іосифъ обратился къ своей духовной паствѣ съ архипастырскимъ «поученіемъ», которое тогда же было напечатано и распространено по всей Россіи. Это обширное поученіе состоитъ изъ трехъ частнѣйшихъ.

Въ первомъ святитель повторяетъ по мѣстамъ дословно тѣ-же самыя основныя мысли, какія и прежде наши архіереи излагали въ своихъ поученіяхъ «къ попамъ», или въ такъ-называемомъ «святительскомъ поученіи», которое раздавали всякому новопоставленному священнику. Въ немъ Патріархъ убѣждаетъ пастырей достойно проходить свое высокое служеніе и заботиться какъ о своемъ спасеніи, такъ и о спасеніи всей своей паствы.

Во второмъ поученіи Патріархъ рѣзко порицаетъ современниковъ за ихъ нечестіе и вмѣстѣ не только учитъ и убѣждаетъ, но и повелѣваетъ имъ исправиться, какъ облеченный высшею церковною властію.

Въ послѣднемъ поученіи Іосифъ преподаетъ пастырямъ наставленія преимущественно каноническаго свойства.

Первые годы патріаршества Іосифа ознаменовались въ Москвѣ довольно жаркою полемикою противъ лютеранизма, въ которой принималъ участіе и самъ Патріархъ. Въ 1643 году, октября 28-го, по приказу Государя, было объявлено Патріарху, что Государь послалъ въ Данію для переговоровъ съ королемъ Христіаномъ IV одного проживающаго въ Москвѣ иностранца Петра Марселиса и вслѣд-

ствіе этихъ переговоровъ скоро прибудетъ въ Москву сынъ короля датскій королевичъ Вальдемаръ для сочетанія законнымъ бракомъ съ царевною Ириною Михайловною,— объявлено съ тѣмъ, чтобы Патріархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ молился Богу и Пречистой Богородицѣ о счастливомъ окончаніи начинающагося дѣла. Въ началѣ слѣдующаго года королевичъ Вальдемаръ дѣйствительно прибылъ въ Москву съ посольствомъ отъ датскаго короля и пасторомъ своимъ Матвѣемъ Фильгоберомъ. Спустя 10 дней, Патріархъ Іосифъ, по царскому приказу, послалъ къ королевичу бывшаго въ Швеціи резидентомъ Димитрія Франбекова съ предложеніемъ «соединиться вѣрою съ государемъ», т. е. принять православіе. Королевичъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ перемѣнить вѣры. Произошли пренія о вѣрѣ и съ пасторомъ Матвѣемъ Фильгоберомъ. Главнымъ предметомъ спора былъ вопросъ о крещеніи обливательномъ; но касались вопросовъ и о почитаніи святыхъ и о значеніи іерархіи. Со стороны русскихъ въ преніяхъ участвовали: благовѣщенскій протопопъ Никита, да церкви черниговскихъ мучениковъ протопопъ Михаилъ, да успенскій ключарь Иванъ Насѣдка, греческіе архимандриты Анфимъ и Парѳеній, да князь Димитрій Альбертосъ Далматскій. Пасторъ отстаивалъ, что обливательное крещеніе, совершаемое у лютеранъ, есть истинное и дѣйствительное и что несправедливо требуютъ отъ королевича, чтобы онъ крестился еще въ другой разъ, именно чрезъ погруженіе, какъ требовали русскіе. Но какъ ни старались, однако, Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и Патріархъ склонить датскаго королевича къ принятію православной вѣры, чтобы потомъ выдать за него царевну, сколько ни

трудились русскіе богословы доказать пастору Фильбогеру недѣйствительность лютеранскаго крещенія и необходимость для королевича креститься по православному, всѣ эти старанія и труды осталися безуспѣшными. Эта безуспѣшность чрезвычайно огорчила Царя и гибельно повліяла на его здоровье. 4 іюля 1645 года происходило послѣднее преніе состязавшихся о вѣрѣ, а 16 іюля Михаилъ Ѳеодоровичъ скончался. Новый Государь Алексѣй Михайловичъ, которому королевичъ Вальдемаръ также заявилъ о своемъ нежеланіи креститься вновь, не сталъ удерживать королевича въ Москвѣ и 17 августа онъ былъ отпущенъ со всѣмъ датскимъ посольствомъ въ Данію.

Строгое исполненіе церковныхъ уставовъ и узаконеній, какъ духовенствомъ, такъ и мірянами, было также предметомъ постоянной заботливости Патріарха Іосифа. Въ 1646 году, предъ наступленіемъ великаго поста, Іосифъ, по приказанію Царя Алексѣя Михайловича, разослалъ окружной наказъ всему духовному чину и всѣмъ православнымъ христіанамъ, чтобы соблюдали наступающій св. постъ въ чистотѣ, и отъ пьянства, и отъ неправды, и отъ всякаго грѣха удалялись, приходили къ св. Божіимъ церквамъ и стояли въ нихъ со страхомъ и трепетомъ въ молчаніи.

Въ 1647 году, по указу Государеву, Патріархъ, митрополиты, архіепископы и епископы со всѣмъ освященнымъ соборомъ уложили:

«По правиламъ св. Апостоловъ и св. Отцовъ, въ воскресный день отнюдь не подобаетъ православнымъ христіанамъ работать, но должно приходить въ церкви Божіи на молитву. Въ субботу вечеромъ переставать отъ всяка-

го дѣла за три часа до ночи; какъ только начнутъ благовѣстить къ вечернѣ, прекращать торговлю, затворять ряды и торговыя бани и въ баню не ходить. Утромъ въ воскресный день не отпирать рядовъ и ничѣмъ не торговать до пятаго часа дня, а какъ только минетъ четыре часа, отворять ряды и торговать харчами и всякими товарами, кормъ же скотскій, овесъ и сѣно, продавать во всѣ дни и часы невозбранно. Въ праздники Господскіе поступать также, какъ и въ воскресные дни. Въ зимнюю же пору, когда въ днѣ бываетъ семь часовъ, открывать въ воскресные дни торговлю въ началѣ четвертаго часа дня, въ субботу же вечеромъ переставать отъ всякаго дѣла за часъ до ночи».

Это уложеніе было разослано по всей Россіи и прочитано по церквамъ всему народу.

При Патріархѣ Іосифѣ печатаніе и исправленіе богослужебныхъ книгъ продолжалось. Патріархъ приказалъ собирать по городамъ харатейные списки, поручая сравнивать, исправлять и издавать книги особымъ «справщикамъ». Но эти справщики, къ сожалѣнію, не стояли на высотѣ своего призванія. «Иные изъ этихъ справщиковъ— говоритъ греческій іеромонахъ Арсеній—едва азбукѣ умѣютъ, а ужъ навѣрное не знаютъ, что такое буквы согласныя, двоегласныя и гласныя, а чтобы разумѣть восемь частей рѣчи и тому подобное, какъ-то: родъ, число, времена, лица, наклоненія и залоги, такъ этого имъ и на умъ не приходило». Вслѣдствіе такого невѣжества справщиковъ, всѣ неправильности, введенныя суевѣрными и невѣжественными священниками, оказались внесенными въ исправленныя книги. Такъ, напр., въ отпускахъ гово-

рилось о праздникахъ, какъ о лицахъ, наравнѣ со святыми, напр.: «Молитвами Пречистыя Твоея Матери, честнаго ея Благовѣщенія или честнаго ея Успѣнія, помилуетъ и спасетъ насъ, яко благъ и человѣколюбецъ».

Назначенный Патріархомъ Филаретомъ для исправленія книгъ, знающій свое дѣло, греческій іеромонахъ Арсеній былъ сосланъ на покаяніе въ Соловецкій монастырь Патріархомъ Іосифомъ, заподозрившимъ Арсенія въ латинствѣ. Вмѣсто его, Патріархъ созвалъ цѣлую коммиссію справщиковъ, въ составъ которой вошли: царскій духовникъ протоіерей Стефанъ Ванифантьевъ, протоіерей Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ, діаконъ Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ Нероновъ и иногородные протоіереи: юрьевъ-повольскій Аввакумъ Петровъ, муромскій Логгинъ, романовскій Лазарь, суздальскій Никита Пустосвятъ и костромской Даніилъ. Но всѣ эти справщики были люди вовсе неподготовленные къ порученному имъ важному дѣлу. Увидя предъ собою множество разныхъ списковъ и не понимая даже, какъ взяться за исправленіе, справщики стали руководиться обычаемъ: что казалось имъ наиболѣе общепринятымъ, то и вносили они въ новопечатныя книги.

Между тѣмъ въ Москву прибылъ іерусалимскій Патріархъ Паисій, который замѣтилъ, что въ русской церкви онъ нашелъ не мало нововведеній, которыхъ не было и нѣтъ въ восточныхъ церквахъ. Вслѣдствіе такихъ разоблаченій, на востокъ за справками былъ посланъ келарь Арсеній Сухановъ. Пока Сухановъ ѣздилъ по Греціи, Сиріи, Палестинѣ, Египту и Грузіи, Москву посѣтилъ константинопольскій Патріархъ Аѳанасій и почти слово въ

слово повторилъ обвиненіе Паисія, особенно относительно двуперстія и произвольнаго искаженія богослужебныхъ книгъ. Патріархъ Іосифъ сильно встревожился и не зналъ, что̀ дѣлать, такъ какъ два Патріарха обвиняли его чуть не въ ереси; аѳонскіе же монахи даже сожгли богослужебныя книги московской печати. Такой поступокъ уважаемой всѣмъ православнымъ міромъ Обители заставилъ Патріарха Іосифа окончательно пасть духомъ. Быстрая кончина избавила его отъ душевныхъ страданій. Іосифъ скончался 15 апрѣля 1652 года.

Какъ правитель русской церкви, Патріархъ Іосифъ не оставилъ по себѣ доброй памяти. Кромѣ того, что въ самомъ важномъ тогда церковномъ дѣлѣ — исправленіи и печатаніи богослужебныхъ книгъ—онъ совершенно положился на справщиковъ Ванифатьева, Неронова и др., у него была еще страсть къ стяжательности, тяжело отзывавшаяся на духовенствѣ. Представители московскаго духовенства въ своей челобитной Государю жаловались, что попы огромной патріаршей области прежде ставились у ближайшихъ архіереевъ, Патріархъ же Іосифъ это запретилъ, желая собрать себѣ имѣнія. Перехожія поповскія грамоты не велѣлъ давать по городамъ съ десятильничихъ дворовъ, а велѣлъ давать въ Москвѣ изъ казеннаго приказа, желая обогатить дьяка своего Ивана Кокошилова да подьячихъ». Самъ Государь, послѣ смерти Іосифа, писалъ Никону (тогда митрополиту Новгородскому, уѣхавшему въ Соловки для перенесенія въ Москву мощей св. митрополита Филарета), что Патріархъ копилъ деньги и что подчиненные его «всѣ въ конецъ бѣдны и онъ, свѣтъ, жалованья у нихъ гораздо убавилъ». Пристрастіе

Патріарха Іосифа къ стяжательности особенно обнаружилось послѣ его смерти. Одной келейной, его собственной казны осталось 13,400 р. и множество серебряныхъ сосудовъ, блюдъ, кубковъ, весьма цѣнныхъ, да патріаршей домовой казны пятнадцать тысячъ рублей.

Патріархъ Никонъ.

Никонъ Великій Государь и Патріархъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи.

I.

Личность Патріарха Никона. — Рожденіе и воспитаніе его.—Удаленіе въ монастырь.—Выходъ изъ монастыря, женитьба и принятіе священства.—Удаленіе въ Соловки и принятіе монашества. — Настоятельство въ Кожеозерскомъ монастырѣ.

Никонъ Патріархъ Московскій принадлежитъ къ самымъ крупнымъ и могучимъ дѣятелямъ русской исторіи. Съ его именемъ тѣсно связаны всѣ выдающіяся событія нашей исторической жизни XVII столѣтія, не только церковныя, но и политическія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе церковной и гражданской жизни русскаго государства. Среди исторической панорамы XVII столѣтія грандіозная личность Никона рѣзко выдѣляется и составляетъ вершину всего вѣка. Если-бы повѣствователь жизни Патріарха Никона посмотрѣлъ на него только какъ на церковнаго правителя, исправлявшаго вкоренившіяся въ наши богослужебныя книги ошибки и въ церковную практику—

не соотвѣтствующіе духу Церкви обряды, то такой взглядъ былъ-бы одностороннимъ. Никонъ въ теченіи шести лѣтъ, по волѣ Царя Алексѣя Михайловича и собора, управлялъ государствомъ и писался «Великимъ Государемъ». Поэтому, чтобы составить себѣ ясное понятіе о характерѣ дѣятельности Никона, необходимо прослѣдить его дѣятельность въ совокупности и тогда обнаружится тѣсная связь между его политикою, церковною реформою и борьбою его съ боярствомъ.

Патріархъ Никонъ родился въ 1605 году, въ селѣ Вельдемановѣ, близъ Нижняго-Новгорода, отъ крестьянина именемъ Мины и нареченъ въ св. крещеніи Никитою. Мать его, Маріамія, умерла вскорѣ послѣ его рожденія. Отецъ Никиты женился на другой женѣ—вдовѣ, которая ввела къ нему въ домъ дѣтей отъ перваго мужа. Мачиха ненавидѣла своего пасынка и житье мальчика Никиты было самое худое. Мачиха не давала ѣсть своему бѣдному пасынку, кромѣ черстваго хлѣба, безпрестанно его бранила, нерѣдко била до крови и однажды такъ сильно его поколотила, что онъ чуть не умеръ. Въ житіи Никона, написанномъ слугою его Шушерою, сохранился такой разсказъ. Однажды бѣдный мальчикъ Никита, плохо одѣтый, отъ зимняго холода залѣзъ погрѣться въ печь. Мачиха наложила туда дровъ и затопила ихъ; мальчикъ началъ отчаянно кричать въ печи. На крикъ прибѣжала его бабка, вытащила дрова изъ печи и такимъ образомъ спасла его отъ ужасной смерти. Отецъ, впрочемъ, любилъ Никиту, ссорился изъ-за него съ женою и даже билъ ее за это. Когда мальчикъ подросъ, отецъ отдалъ его учиться грамотѣ. Выучившись читать, Никита захотѣлъ извѣдать

мудрость божественнаго писанія. Онъ удалился въ монастырь Макарія Желтоводскаго, нашелъ тамъ какого-то ученаго старца и подъ руководствомъ его прилежно занялся чтеніемъ священныхъ книгъ. Здѣсь съ нимъ случилось событіе, глубоко запавшее въ его впечатлительную душу. Однажды онъ вмѣстѣ съ монастырскими послушниками зашелъ къ какому-то старцу, предсказывавшему будущее. Взглянувши на Никиту, старецъ спросилъ: «Какого ты роду?»—«Я простолюдинъ», отвѣтилъ Никита.—«Высоко тебѣ, милый, летать, сказалъ старецъ; либо царемъ будешь, либо патріархомъ».

Черезъ нѣсколько времени Никита, по просьбѣ отца, возвратился домой и сталъ заниматься хозяйствомъ. Скоро онъ лишился отца и, сдѣлавшись хозяиномъ, женился. Но его неудержимо влекли къ себѣ церковь и богослуженіе. Какъ человѣкъ грамотный и начитанный, Никита получилъ мѣсто священника въ Нижнемъ-Новгородѣ. Благочестіе, благоговѣйное служеніе молодаго священника и согласное чтеніе и пѣніе въ его церкви привлекли къ нему вниманіе и любовь нижегородцевъ. Этому помогли и внѣшнія качества Никиты: онъ былъ необычайнаго роста (3 аршина), имѣлъ величественную осанку и громадный голосъ. Отъ роду ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ.

Слухъ о замѣчательномъ священникѣ Никитѣ дошелъ до Москвы и, по просьбѣ московскихъ купцовъ, Никита былъ переведенъ въ столицу. Здѣсь онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ на приходѣ, имѣлъ троихъ дѣтей, но всѣ они померли въ малолѣтствѣ. Это обстоятельство произвело сильное впечатлѣніе на Никиту: онъ увидѣлъ въ этомъ указаніе свыше отречься отъ міра и удалиться въ мона-

стырь. Уговоривъ жену постричься въ Московскомъ женскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ, онъ самъ ушелъ на Бѣлое море въ Соловки и въ Анзерскомъ скитѣ принялъ постриженіе въ монашество съ именемъ Никона. Не поладивши съ корыстолюбивымъ начальнымъ старцемъ скита Елеозаромъ, Никонъ оставилъ скитъ. Подвергшись на пути страшной опасности отъ бури, онъ прибылъ въ Кожеезерскую пустынь, находившуюся на островѣ Кожеезера, близь города Каргополя. Въ монастырь не принимали безъ вклада и Никонъ по своей бѣдности отдалъ въ монастырь свои послѣднія двѣ богослужебныя книги. Онъ жилъ здѣсь въ строгомъ уединеніи на особомъ островѣ, предавался аскетическимъ подвигамъ, а для пропитанія занимался ловлею рыбы. Когда умеръ Кожеезерскій игуменъ, братія избрала на его мѣсто Никона.

II.

Никонъ передъ Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.—Никонъ—архимандритъ.—Никонъ—Митрополитъ Новгородскій.—Возведеніе его въ санъ Патріарха.

На третій годъ послѣ избранія своего во игумены Кожеезерскаго монастыря, Никонъ отправился въ Москву и здѣсь явился съ поклономъ къ молодому Царю Алексѣю Михайловичу, какъ тогда было въ обычаѣ у настоятелей монастырей. Атлетическое сложеніе, величественная осанка, краснорѣчіе, твердая воля, аскетическая суровость и энергичность, выражавшіяся въ лицѣ Никона, произвели

обаятельное дѣйствіе на впечатлительнаго молодаго Государя. Кожеезерскій игуменъ до того понравился Царю, что онъ тотчасъ-же повелѣлъ ему остаться въ Москвѣ и, по желанію Царя, Патріархъ Іосифъ посвятилъ его въ санъ архимандрита Новоспасскаго монастыря. Здѣсь была родовая усыпальница Романовыхъ и Царь часто ѣздилъ въ монастырь и бесѣдовалъ съ Никономъ. Эти бесѣды производили глубокое впечатлѣніе на Царя: онъ почувствовалъ расположеніе къ Никону и сердечно привязался къ нему. Царь приказалъ Никону ѣздить во дворецъ каждую пятницу для служенія во дворцовой церкви и для бесѣды съ нимъ. Скоро Никонъ сдѣлался необходимымъ собесѣдникомъ и совѣтникомъ Царя. Пользуясь царскимъ расположеніемъ, Никонъ сталъ ходатайствовать передъ Царемъ за угнетенныхъ и обиженныхъ. Царь далъ Никону порученіе принимать просьбы отъ тѣхъ, которые искали царскаго милосердія и управы на неправоту судей. Это обстоятельство сдѣлало Никона весьма популярнымъ среди народа; онъ пріобрѣлъ всеобщую народную любовь.

Вскорѣ въ жизни Никона произошла перемѣна. Въ 1648 году удалился на покой Новгородскій митрополитъ Афанасій. Царь предоставилъ это мѣсто своему другу,—и Никонъ рукоположенъ былъ въ санъ Новгородскаго митрополита. Хиротонію надъ нимъ совершилъ бывшій тогда въ Москвѣ Іерусалимскій Патріархъ Паисій. Санъ Новгородскаго митрополита считался вторымъ въ русской церкви.

Въ санѣ митрополита Новгородскаго Никонъ занялъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ его предшественники. Царь поручилъ митрополиту Никону наблюдать даже надъ мір-

скимъ управленіемъ, доносить ему обо всемъ и давать совѣты. Подвиги нищелюбія, совершенные Никономъ въ Новгородѣ, увеличили любовь къ нему Царя и народа. Когда въ Новгородѣ начался голодъ, митрополитъ Никонъ отвелъ у себя на владычномъ дворѣ особую палату,—такъ называемую «погребную»,—и приказалъ ежедневно кормить въ ней нищихъ. Кромѣ того, онъ каждое утро раздавалъ нищимъ по куску хлѣба, а каждое воскресенье отъ имени митрополита одинъ блаженный раздавалъ старымъ по двѣ деньги, молодымъ по деньгѣ, а малымъ по полденьгѣ. Никонъ устроилъ также богадѣльни для постояннаго призрѣнія убогихъ и испросилъ у Царя средства къ ихъ содержанію.

По царскому повелѣнію, Никонъ посѣщалъ тюрьмы и по своему усмотрѣнію освобождалъ узниковъ. Но необычайную твердость обнаружилъ Никонъ въ время бунта, вспыхнувшаго во время голода. Въ Новгородѣ бунтующій народъ хотѣлъ умертвить царскаго намѣстника князя Хилкова.

Никонъ укрылъ Хилкова въ своихъ палатахъ и самъ вышелъ къ бунтовщикамъ. На него напали, избили и замертво оставили на площади. Едва дышащій, поднятъ былъ онъ своими служителями. Но Никонъ, несмотря на это, отправился совершать литургію въ той части города, гдѣ свирѣпствовалъ мятежъ, и совершилъ крестный ходъ. Никонъ не убоялся еще разъ выйти къ мятежникамъ и вошелъ даже въ самую избу, гдѣ они составили сборище. Твердость митрополита поразила самыхъ свирѣпыхъ бунтовщиковъ и они притихли, хотя тайно и не переставали дѣйствовать противъ правительства. Они хотѣли передать-

ся шведамъ и вошли съ ними въ переговоры, заградивъ пути къ Москвѣ. Но Никону все-таки удалось увѣдомить Царя объ угрожающей опасности и при этомъ онъ указалъ, какія слѣдовало принять мѣры для усмиренія бунта, а самъ предалъ бунтовщиковъ анаѳемѣ. Мятежъ утихъ, благодаря твердости митрополита Никона.

Въ 1651 году Царь пожелалъ перенести въ Москву изъ Соловецкаго монастыря мощи св. митрополита Филиппа. Это дѣло возложено было на митрополита Никона, который и отправился въ Соловецкій монастырь. Но въ это время умеръ Патріархъ Іосифъ. Въ преемники ему Царь избралъ Никона. Когда онъ съ великимъ торжествомъ прибылъ въ Москву съ мощами св. Филиппа, Царь объявилъ Никону объ избраніи его въ Патріархи. Но, совершенно неожиданно для Царя, Никонъ сталъ отказываться отъ патріаршества: онъ твердо былъ увѣренъ въ привязанности къ себѣ Царя, но зналъ, что бояре негодовали на любовь къ нему Царя и на ревность его къ пастырскому долгу, и что ему придется вступить въ борьбу съ боярствомъ.

Долго со слезами, на колѣнахъ, Царь, духовенство и бояре упрашивали Никона въ Успенскомъ соборѣ принять патріаршество. Наконецъ онъ растрогался и самъ со слезами на глазахъ проговорилъ: «Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ Патріархомъ, произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви, что вы будете соблюдать Евангельскіе догматы, правила св. Апостолъ и св. Отецъ и каноны благочестивыхъ Царей? Если обѣщаетесь слушать меня какъ вашего главнаго архипастыря и отца во всемъ, если дадите мнѣ устроить Церковь, то я по вашему прошенію не

стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства». Всѣ поклялись, что станутъ поступать такъ, и Никонъ согласился. Это происходило 22 іюля 1652 г., а 25 іюля совершилось поставленіе Никона на патріаршество. Никону было тогда еще только 47 лѣтъ; онъ былъ полонъ силы и энергіи; Царь считалъ его своимъ «собиннымъ» другомъ.

Такимъ образомъ все предвѣщало, что Никонъ сдѣлаетъ многое, ставши во главѣ Церкви. Дѣйствительно, дѣятельность его была широка и разнообразна. она касалась и церковныхъ и гражданскихъ дѣлъ; во всемъ проявлялась его властная рука, предпріимчивый и дѣятельный духъ, твердая и рѣшительная воля.

III.

Дружба Патріарха съ Царемъ.—Присоединеніе Малороссіи и война съ Польшею.—Чума въ Москвѣ.

Самая тѣсная дружба соединяла новаго Патріарха съ Царемъ. Они вмѣстѣ молились, вмѣстѣ занимались государственными дѣлами, вмѣстѣ садились за трапезу; такъ было каждый день. Патріархъ былъ воспріемникомъ царскихъ дѣтей. Въ теченіе шести лѣтъ, съ 1651 по 1657 г., ни одно государственное дѣло не рѣшалось безъ участія Патріарха Никона.

Самымъ блестящимъ политическимъ дѣломъ этого времени было присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Безпрестанныя преслѣдованія православной вѣры поляками въ Малороссіи заставили гетмана Богдана Хмѣльницкаго обра-

титься къ единовѣрной Россіи: онъ неоднократно изъявлялъ желаніе быть подъ покровительствомъ Царя православнаго. Но изъ опасенія войны съ Польшею, Царь отклонялъ это дѣло. Тогда Богданъ Хмѣльницкій послалъ грамоту Патріарху Никону, умоляя о присоединеніи единовѣрнаго народа. Никонъ и далъ этому дѣлу рѣшительный ходъ. Царь потребовалъ отъ Польши успокоенія Малороссіи, но Поляки этого не исполнили. Тогда въ октябрѣ 1653 года соборомъ духовенства и земскихъ чиновъ рѣшено принять Малороссію «подъ высокую руку Царя Алексѣя Михайловича»; а 6 января 1654 года совершилось торжество соединенія.

Изъ-за этого открылась война Россіи съ Польшею. Она была счастлива и блистательна. Самъ Царь отправился съ войскомъ. Русскіе въ полгода овладѣли Смоленскомъ, Витебскомъ, Минскомъ съ округами. Въ 1655 завоевана была вся Литва, Бѣлоруссія; русскіе прошли всю Волынь и Галицію, вездѣ разбивая поляковъ. Польша, доведенная до крайности, просила перемирія, оставивъ за Россіею всѣ завоенныя области и объявивъ Царя Алексѣя Михайловича преемниковъ короля Яна Казиміра.

Уѣзжая изъ Москвы на войну, Царь поручилъ Патріарху Никону заботы о государственныхъ дѣлахъ и о своемъ семействѣ. Во все время отсутствія Царя, Никонъ становится правителемъ государства. Онъ разсылалъ указы воеводамъ и другимъ властямъ; онъ утверждалъ боярскіе приговоры по разнымъ государственнымъ дѣламъ; знатные московскіе воеводы униженно подавали ему свои челобитныя; къ нему должны были являться съ докладами оставленные Царемъ въ Москвѣ намѣстникъ и госу-

даревы бояре и ни одного дѣла не могли рѣшить безъ доклада ему. При этомъ Никонъ показывалъ все свое величіе и при суровости своего характера иногда горделиво унижалъ бояръ. Это уязвляло самолюбіе бояръ и они тайно ненавидѣли Патріарха. «Если случалось, говоритъ очевидецъ, что не всѣ министры собирались въ совѣтъ къ тому времени, когда раздавался звонъ колокольчика, призывающій ихъ въ палаты Патріарха, то опоздавшимъ долго приходилось ждать иногда на сильномъ холодѣ, пока Патріархъ не давалъ имъ особаго приказа войти. Разговаривалъ онъ съ ними стоя. Министры дѣлали ему докладъ о текущихъ дѣлахъ и Патріархъ о всякомъ дѣлѣ давалъ каждому свой совѣтъ и приказывалъ, какъ поступить». Участіе Никона въ дѣлахъ государственныхъ было такъ широко, что, въ глазахъ народа, казалось даже неприличнымъ для Патріарха.

Между тѣмъ, когда Царь находился въ походѣ, въ Москвѣ и Казани открылась моровая язва, перешедшая затѣмъ и въ сосѣднія области. Въ столицѣ свирѣпствовала она съ такою силою, что съ іюля по ноябрь перемерла большая часть прихожанъ со священниками и причтами. Патріархъ Никонъ, съ свойственною ему твердостью, дѣлалъ распоряженія къ облегченію этого страшнаго бѣдствія. Особенную заботу онъ долженъ былъ принять на себя о сохраненіи царской семьи, порученной его попеченію. Пославъ въ Колязинъ монастырь приказаніе о приготовленіи келій, службъ и всего необходимаго къ принятію Царицы и ея семейства, Никонъ отправился съ царскою семьею въ лавру св. Сергія, потомъ перевозилъ царскую семью изъ монастыря въ монастырь и такимъ об-

разомъ сохранилъ ее отъ заразы. Въ то же время отъ имени Царицы и маленькаго Царевича Алексѣя Патріархъ разсылалъ по городамъ грамоты объ употребленіи строгихъ мѣръ предосторожности противъ заразы: предписано было ограждать зараженныя мѣста крѣпкими заставами; жечь костры для очищенія воздуха; донесенія, переходившія зараженными мѣстами, предписано было списывать со словъ у костровъ, а подлинныя сожигать. Къ осени чума стала ослабѣвать. Въ концѣ октября Патріархъ привезъ къ Царю въ городъ Вязьму семейство его здравымъ и невредимымъ. Тогда Царь выразилъ свою благодарность Никону жалованною грамотою, данною новому патріаршему Иверскому монастырю. Въ этой грамотѣ Никонъ названъ былъ «великимъ Государемъ, Патріархомъ всея великія, и малыя и бѣлыя Руси». Но Никонъ не желалъ этой почести и просилъ Царя освободить отъ нея. Въ письмахъ къ Царю онъ называлъ себя «грѣшнымъ и смиреннымъ Никономъ»; но въ государственныхъ актахъ этотъ титулъ, по настоянію Царя, употреблялся.

IV.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ и обрядовъ Патріархомъ Никономъ.

Еще при Патріархѣ Іосифѣ открылось много ошибокъ въ богослужебныхъ книгахъ и въ церковной практикѣ неправильныхъ обрядовъ, вкравшихся въ богослужебный и обрядовый чинъ Русской церкви.

Исправленія начаты были раньше Никона, но къ сожалѣнію при Патріархѣ Іосифѣ въ наши печатныя богослужебныя книги сознательно внесены были исправщиками нѣкоторые несогласные съ православною церковью обряды въ родѣ двуперстія при крестномъ знаменіи, сугубой аллилуіи и др. Особенно тяготило Никона то, что мало было людей, подготовленныхъ къ принятію исправленныхъ книгъ и обрядовъ. Потому-то Никонъ долго не соглашался принять патріаршій санъ послѣ Іосифа; потому-то онъ при поставленіи объявилъ, что не иначе согласится принять патріаршество, какъ подъ условіемъ не препятствовать ему въ исправленіи безпорядковъ, вошедшихъ въ Русскую церковь. Царь и вся церковь дали клятву оказывать ему послушаніе, «аще что возглаголетъ отъ божественныхъ заповѣдей и законовъ». Никонъ рѣшился возложить на себя тяжелое бремя. Послѣ совѣщаній о печальномъ положеніи книгъ и нѣкоторыхъ обрядовъ, Царь и Патріархъ въ 1654 году положили собрать соборъ въ царскомъ дворцѣ. Патріархъ предложилъ собору: «надобно-ли слѣдовать новымъ печатнымъ богослужебнымъ книгамъ, въ которыхъ найдено много несходнаго, или точнѣе сказать ошибочнаго противъ древнихъ греческихъ и славянскихъ книгъ? Или-же должно предпочесть греческія и славянскія книги, изъ которыхъ тѣ или другія содержатъ одинъ и тотъ-же уставъ и по которымъ поучаясь угодили Богу восточные учители и Московскіе святители?» Соборъ единодушно отвѣчалъ: «достойно и праведно исправить новыя по древнимъ славянскимъ и греческимъ книгамъ».

Вслѣдствіе этого сдѣлано было распоряженіе Царемъ и Патріархомъ—собрать изъ русскихъ монастырей древ-

нія славянскія богослужебныя книги. Въ то же время посланы въ Царьградъ къ Патріарху грамоты о предположенномъ исправленіи книгъ. Патріархъ Паисій собралъ пастырей и соборнымъ дѣяніемъ утвердилъ рѣшеніе Московскаго собора; въ то же время Паисій прислалъ свою грамоту, гдѣ изъявилъ живѣйшую радость и одобреніе предпринятому соборомъ дѣлу. На Востокъ отправленъ былъ монахъ Арсеній Сухановъ, которому поручено было не щадить издержекъ для пріобрѣтенія древнихъ греческихъ рукописей. Арсеній пріобрѣлъ на Аѳонѣ до 505 книгъ богослужебныхъ и учительныхъ, между которыми одному Евангелію насчитывали тогда 1050 лѣтъ, другому 650, одному служебнику 600, а другому 450 лѣтъ. По возвращеніи Суханова, Никонъ опять собралъ соборъ, на коромъ присутствовали бывшіе тогда въ Москвѣ Патріархи Антіохійскій Макарій и Сербскій Гавріилъ, митрополиты: Никейскій Григорій и Молдавскій Гедеонъ. Никонъ говорилъ, что много разъ укоряли Русскую церковь въ неисправности книгъ и отступленіяхъ въ нѣкоторыхъ обрядахъ и въ примѣръ указалъ на двуперстіе. Патріархъ Макарій объявилъ, что двуперстное знаменіе принадлежитъ армянамъ и что «издревле пріяхомъ творити знаменіе честнаго креста тремя персты десныя руки». Такой отзывъ дали и прочіе святители.

Дѣло исправленія принимали всѣ съ покорностью. Только нашлись три-четыре человѣка, обнаружившіе сопротивленіе дѣлу исправленія книгъ. Это были справщики при Патріархѣ Іосифѣ, внесшіе ошибки въ книги. Таковъ былъ Юрьевскій протопопъ Аввакумъ. Къ нему пристали: Павелъ, епископъ Коломенскій и Костромской, протопопъ

Даніилъ — друзья Аввакума. По соборному опредѣленію, Аввакумъ сосланъ былъ на берегъ Байкала, помощникъ его въ порчѣ книгъ кн. Лыковъ—въ Соловки, Даніилъ—въ Астрахань, а Павелъ скрылся неизвѣстно куда. До 1658 года подъ наблюденіемъ Никона изданы были многія богослужебныя книги: Постная Тріодь, Часословъ, Ирмологій, Псалтирь Слѣдованная и Требникъ. Но возстаніе, поднятое суевѣрами и невѣждами противъ исправленія книгъ, требовало особыхъ мѣръ, тѣмъ болѣе, что коноводы возстанія, по проискамъ враговъ Никона, возвращены были изъ ссылки. Въ январѣ 1666 года пастыри Русской церкви собрались въ патріаршей крестовой палатѣ для разсужденія объ исправленныхъ книгахъ и вотъ какъ они сами описали свои дѣянія: «Мы испытывали подробно и долгое время новоисправленныя и вновь переведенныя печатныя книги, разсматривали и старыя славянскія харатейныя рукописи и не нашли въ новыхъ книгахъ ничего противнаго вѣрѣ, а по всему увидѣли ихъ согласными со старыми славянскими харатейными книгами». Но расколъ проникъ уже въ темныя народныя массы. Дальнѣйшее его развитіе совершилось уже во время патріаршества Іоасафа II.

V.

Перемѣна въ судьбѣ Никона. Разрывъ дружбы его съ Царемъ. Удаленіе Никона въ Воскресенскій монастырь. Судъ надъ Никономъ.

Въ 1657 году началась перемѣна въ жизни Никона. Бояре составили противъ него заговоръ и, во что-бы то

ни стало, домогались произвести разрывъ между Никономъ и Царемъ. Это имъ удалось. Виною этому былъ отчасти и характеръ Никона—суровый и раздражительный. Въ печальной исторіи Никона постоянно видимъ однихъ и тѣхъ же бояръ: Семена и Родіона Стрѣшневыхъ и Милославскихъ—родственниковъ Царя, князей Никиту Одоевскаго, Юрія Долгорукаго, Алексѣя Трубецкаго, боярина Салтыкова и дьяка Алмазова. Иностранецъ Маржератъ говоритъ: «Патріархъ Никонъ былъ крайне близокъ къ Царю, казался всемощнымъ, но низринутъ судьбою придворной жизни». Бояре не могли перенести власти Никона въ совѣтѣ царевомъ: она была тяжела для бояръ. Никонъ же, имѣя характеръ твердый и рѣзкій, слишкомъ давалъ чувствовать свое преимущество и не хотѣлъ уступать. По власти Патріарха онъ говорилъ и выполнялъ правду, не разбирая лицъ. Такъ, когда Морозовъ и другія бояре завели органы и латинскія иконы, Никонъ открыто обличалъ ихъ во храмѣ предъ лицемъ Царя. Нѣкоторые фанатики раздували ненависть къ Никону вездѣ, гдѣ только могли. Стали открыто ругаться надъ патріархомъ: Семенъ Стрѣшневъ настолько былъ наглъ, что назвалъ именемъ Никона свою собаку и научилъ ее складывать лапы на подобіе архіерейскаго благословенія.

Съ половины 1657 года Царь сталъ уже удаляться отъ Никона; дружескихъ бесѣдъ и частыхъ совѣщаній съ Патріархомъ уже не было. Бояре возбудили недовѣріе Царя къ Никону и старались довести его до вражды. Если бы Царь и Патріархъ искренно объяснились между собою, дружба ихъ возобновилась бы, но бояре до этого не допускали.

Въ іюлѣ 1658 года представился случай довести неудовольствіе до открытаго разрыва между Царемъ и Патріархомъ. Въ Москвѣ готовили торжественный пріемъ грузинскому царю Таймуразу, желавшему скрѣпить союзъ Грузіи съ Россіей. Патріархъ оставилъ отстраиваемый имъ Воскресенскій монастырь, чтобы принять участіе въ этой встрѣчѣ. Но, по интригамъ бояръ, Патріархъ не былъ приглашенъ во дворецъ. Изумленный Патріархъ послалъ своего боярина узнать о причинѣ, но стольникъ Богданъ Хитрово ударилъ посланца палкою. Никонъ требовалъ удовлетворенія; Царь обѣщалъ и лично желалъ объясниться съ Никономъ, но, по проискамъ бояръ, Никонъ удовлетворенія не получилъ. Патріархъ надѣялся говорить съ Царемъ въ праздники; но Царя удержали отъ выхода. Въ праздникъ 10 іюля Патріархъ долго ждалъ Царя въ церкви, но Царь не пріѣхалъ. Бояринъ князь Ромодановскій, посланный объявить объ этомъ Патріарху, сталъ публично упрекать Никона въ гордости и въ томъ, зачѣмъ онъ писался Великимъ Государемъ.

Тогда Никонъ, огорчившійся до глубины души, потерялъ терпѣніе. По окончаніи литургіи, онъ объявилъ народу, что онъ болѣе не Патріархъ, поставилъ къ иконѣ Богоматери посохъ святителя Петра и написалъ письмо къ Царю... Но отвѣта не получилъ. Явился князь Трубецкой и началъ укорять Никона въ гордости; Никонъ сталъ выходить изъ церкви. Народъ плакалъ и держалъ двери, не выпуская его изъ церкви; Никонъ пѣшій пошелъ изъ Кремля на Иверское подворье, а оттуда уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

Бояре стали дѣйствовать противъ Никона рѣшительно.

Они представляли Царю, что церковь остается безъ пастыря, и что необходимо избрать новаго Патріарха. Къ несчастію, въ это время прибылъ въ Россію бывшій митрополитъ Газеліи Паисій Лигаридъ, осужденный Патріархомъ и скитавшійся безъ епархіи по Греціи и Италіи. Онъ былъ человѣкъ ученый, но мало совѣстливый и большой интриганъ. Обласканный Царемъ, а еще болѣе боярами, онъ не задумался стать въ число самыхъ отъявленныхъ враговъ Никона. Первымъ дѣломъ Паисія и бояръ были *вопросы* Стрѣшнева Паисію о Никонѣ и *отвѣты* Паисія, выбранные изъ церковныхъ правилъ въ осужденіе Никона. Между тѣмъ Никонъ, не зная расположенія Паисія, въ письмѣ къ нему жаловался на свое положеніе и такую же грамоту написалъ Константинопольскому Патріарху. Грамота была перехвачена и письмо къ Паисію также было въ рукахъ бояръ. Обѣ эти бумаги глубоко огорчили добраго Царя.

Царь послалъ вопросы о дѣлѣ Никона ко всѣмъ Патріархамъ. Въ 1664 году получены были отвѣты Патріарховъ, по неопредѣленности вопросовъ не рѣшавшихъ дѣло Никона. А Іерусалимскій Патріархъ Нектарій, въ особомъ письмѣ, просилъ Царя за Никона: что онъ не находитъ причинъ къ строгому осужденію Никона, и умолялъ Царя вспомнить заслуги Никона, не слушать бояръ и умирить церковь. Это письмо произвело на Царя глубокое впечатлѣніе. Царь поручилъ боярину Зюзину звать Патріарха Никона въ Москву. Въ ноябрѣ 1664 года Зюзинъ написалъ Патріарху, чтобы онъ пріѣхалъ въ Москву на праздникъ чудотворца Петра и послалъ бы звать Государя къ службѣ, какъ будто ничего между ними не было.

Никонъ прибылъ въ Москву и послалъ звать Царя къ богослуженію. Это обстоятельство произвело ошеломляющее дѣйствіе при дворѣ. Минута была рѣшительная: отъ нея зависѣло или паденіе враговъ Никона, или окончательное низверженіе его самаго. Но враги Никона одержали побѣду: они убѣдили Царя не принимать Никона и объявить, чтобы онъ ѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. Огорченный Патріархъ сказалъ вслухъ, что онъ отрясаетъ прахъ отъ ногъ тамъ, гдѣ его не принимаютъ.

Царь послалъ звать въ Москву Патріарховъ на соборъ. Въ концѣ 1666 г. прибыли въ Россію патріархи: Александрійскій Паисій и Антіохійскій Макарій. Въ декабрѣ собрался въ царскихъ палатахъ многочисленный соборъ святителей. Никонъ, призванный на соборъ, вступилъ въ палаты, какъ Патріархъ, но не увидѣвъ для себя патріаршескаго мѣста, не сѣлъ съ архіереями и слушалъ стоя. Царь съ глубокою скорбію говорилъ, что Патріархъ самовольно удалился съ каѳедры и самовольно поступалъ, возмущая тѣмъ покой церкви въ теченіе осьми лѣтъ. Слезы текли изъ глазъ добраго Царя при обличеніи прежняго своего друга и великаго человѣка. Передъ Патріархами Царь свидѣтельствовалъ, что не питалъ лично вражды къ Никону. Затѣмъ не столько обвиняли, сколько осыпали его бранью враждебные Никону архіереи. Въ новомъ засѣданіи Царь потребовалъ обвиненій отъ бояръ: только Долгоруковъ сказалъ нѣсколько словъ, остальные молчали. Тогда Никонъ, окинувъ ихъ взоромъ, сказалъ: «Государь! девять лѣтъ готовились обвинять меня и никто не можетъ вымолвить слова! Камнями могутъ побить Никона, но хотя бы еще девять лѣтъ стали выдумывать клеветы, ничего не найдутъ противъ меня!»

Наконецъ, 12 декабря состоялось послѣднее засѣданіе собора, на которомъ Никону объявили обвиненіе и рѣшеніе собора. Обвиненія были слѣдующія: 1) самовольно оставилъ Патріаршій домъ и удалился въ Воскресенскій монастырь; 2) по причинѣ удаленія заведены слѣдственныя дѣла, отъ коихъ многіе пострадали; 3) досаждалъ Государю, препирался съ соборомъ и не былъ покоренъ; 4) митрополита Газелаю называлъ еретикомъ; 5) безъ собора подвергалъ запрещенію епископовъ (Павла Коломенскаго). Соборъ опредѣлилъ: лишить Никона патріаршаго сана и въ иноческой одеждѣ отослать на покаяніе въ пустынную обитель.

VI.

Заточеніе Патріарха Никона.

Никона заточили въ Ѳерапонтовъ монастырь. Здѣсь сидѣлъ онъ въ полномъ заточеніи. Маленькая келья его въ одно окошечко, черезъ которое едва-едва проникалъ свѣтъ, не давала ему возможности ни пройтись, ни достаточно имѣть воздуха. Единственное движеніе ему разрѣшалось дѣлать: это ходить въ трапезную, гдѣ онъ ѣлъ изъ общаго котла со всѣми служителями монастыря. Никого къ нему не пускали и онъ три года никого не видѣлъ, ни съ кѣмъ не говорилъ; продавать или покупать что-либо ему воспрещено было. Крестъ отъ него отобрали. Одежда и обувь его изодрались, такъ что ему стыдно было посѣщать трапезную.

Тоскуя въ одиночномъ заключеніи, не имѣя ни книгъ, ни бумаги, ни чернилъ, чтобы развлечься, изнывая отъ отсутствія воздуха и движенія и отъ разобщенія съ цѣлымъ міромъ, Никонъ молился и плакалъ, но нерѣдко онъ приходилъ въ ярость—и тогда гремѣли проклятія.

Съ нѣкотораго времени Никону начали являться видѣнія: то ему казалась какая-то черная птица къ нему летаетъ, то демоны не давали ему спать, то бѣсы являлись къ нему, грозяся всякими злобами... Никонъ былъ близокъ къ умопомѣшательству. Но къ Рождеству 1671 г. тюремщикъ далъ Никону перья, бумагу и чернила, чтобы тотъ написалъ Царю письмо.

Въ этомъ письмѣ Никонъ описывалъ все, что съ нимъ происходило въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ, разсказывалъ о болѣзняхъ своихъ и недостаткахъ и въ заключеніе просилъ объ облегченіи своей участи. Царь послалъ боярина Родіона Лопухина, который долженъ былъ устроить старца. Лопухинъ далъ Никону свободу ходить по монастырю, одѣлъ его, распорядился, чтобы Кирилловскій сосѣдній монастырь доставлялъ ему все необходимое по росписанію.

Получивъ нѣкоторую свободу, Никонъ воспользовался ею для блага народа: онъ занялся леченіемъ больныхъ. Но эту дѣятельность оклеветали предъ Царемъ, будто народъ ходилъ къ нему съ цѣлями политическими. Къ Никону была приставлена стража. Но вотъ 30 января 1666 г. Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ. Узнавъ о смерти Царя Никонъ заплакалъ и сказалъ: «Воля Божья, видно судиться намъ на томъ свѣтѣ. Богъ его проститъ, — поминать его я буду». На престолъ вступилъ 14-лѣтній Ѳео-

доръ. Престолъ окружали люди враждебные Никону и во главѣ ихъ патріархъ Іоакимъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ получился царскій указъ въ Ѳерапонтовомъ монастырѣ о переводѣ Никона въ Кирилловскую обитель. Этотъ монастырь былъ крайне враждебенъ Никону. Изъ-за содержанія, которое по указу царскому, долженъ былъ отпускать Никону монастырь, происходили взаимныя неудовольствія: Никонъ жаловался Царю на монастырь, а монастырь на Никона.

Поэтому положеніе Никона въ Кирилловскомъ монастырѣ было хуже, чѣмъ въ Ѳерапонтовомъ. Кельею его была монастырская темница для провинившихся монаховъ. Пищу приносилъ ему служка—щи да каша, кусокъ хлѣба и кружка воды.

По ходатайству царевенъ Татьяны и Софьи, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ повелѣлъ перевести Никона въ любимый имъ и имъ-же построенный Воскресенскій монастырь. Радость узника была необычайна. Никонъ простился съ братіею, и на стругѣ по Шекснѣ отправился къ Волгѣ. Вѣсть о возвращеніи Никона и о томъ, что онъ поѣдетъ водою до Ярославля быстро разнеслась по городамъ и селамъ: тысячи народа ожидали его на берегу, для полученія отъ него благословенія. Духовенство съ хоругвями, крестами и иконами выходило на берегъ для торжественной встрѣчи. Но недалеко отъ Ярославля, Никонъ на пути скончался. Свершилось это 17 августа 1681 года, на 76 году его славной и многострадальной жизни.

Никонъ погребенъ былъ въ Воскресенскомъ монастырѣ. Но уже послѣ его кончины восточные Патріархи возвратили Никону патріаршій санъ.

Патріархъ Іоасафъ II и Питиримъ.

Вскорѣ послѣ удаленія Патріарха Никона въ заточеніе, царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ собору русскихъ святителей избрать на праздную всероссійскую патріаршую каѳедру достойнаго по жизни и просвѣщенію пастыря церкви. Жребій палъ на настоятеля Троицко-Сергіева монастыря Іоасафа, славившагося въ то время духовною жизнію, и Іоасафъ возведенъ былъ на патріаршій престолъ. Посвященіе его совершилось декабря 29 дня 1667 года.

Въ трудное время вступилъ на патріаршій престолъ Іоасафъ II. Смута, начатая противниками исправленія богослужебныхъ книгъ, продолжалась. Въ маѣ 1667 года соборъ изъ трехъ Патріарховъ—Всероссійскаго, Антіохійскаго и Іерусалимскаго—и русскихъ митрополитовъ и архіепископовъ одобрилъ всѣ книги, исправленныя и напечатанныя при патріархѣ Никонѣ, и повторилъ осужденіе на всѣ тѣ суевѣрныя мнѣнія, которыя осуждены были Никономъ и соборомъ 1666 года. Соборъ выразилъ свое

заключеніе въ слѣдующихъ словахъ: «Аще ли кто не послушаетъ повелѣваемыхъ отъ насъ и не покорится святѣй восточной церкви и сему священному собору, или начнетъ прекословити и противитися намъ, и мы таковаго данною намъ властію отъ Святаго и Животворящаго Духа проклятію предаемъ». Эти слова Собора 1667 года весьма знаменательны. Соборъ предалъ проклятію не обряды, которыхъ придерживаются раскольники, напр. двуперстіе, сугубое аллилуіа и пр.—какъ объ этомъ неправильно думаютъ раскольники, но подвергъ анаѳемѣ «непокоряющихся св. церкви, прекословящихъ и противящихся ей».

Вслѣдствіе этого опредѣленія собора, попъ Никита Пустосвятъ и протопопъ Аввакумъ, какъ упорные мятежники и нераскаянные суевѣры, были растрижены и отлучены отъ церкви. Патріарху Іоасафу II оставалось выполнить опредѣленія собора восточныхъ и русскихъ пастырей. И онъ дѣйствовалъ въ духѣ собора. Въ 1668 году узнано было, что нѣкоторые священники, вопреки соборному запрещенію, служатъ на просфорахъ съ осьмиконечнымъ крестомъ и не совершаютъ службу по новымъ книгамъ. Священники съ причетниками лишены была за это мѣстъ и преданы суду, а просфирни отосланы въ монастыри. Въ то-же время Патріархъ Іоасафъ II заботился объ исправленіи богослужебныхъ книгъ—исправленіе книгъ по греческому тексту не прекращалось. Въ 1670 году напечатана Цвѣтная тріодь, провѣренная съ греческимъ подлинникомъ, а въ 1672 году напечатана Постная тріодь, которая вновь переведена была съ греческаго текста.

Патріархъ Іоасафъ заботился и о нравственномъ пре-

успѣяніи христіанъ и обращеніи къ церкви заблуждающихся. Онъ издалъ къ народу «увѣщательную грамоту» и велѣлъ сочинить на раскольниковъ особое подробное обличеніе, которое отъ имени его и напечатано въ 1668 г. подъ названіемъ *Жезлъ правленія*; оно было вторично напечатано въ Москвѣ въ 1758 году. Въ 1668 году Царю Алексѣю Михайловичу подана была жалоба на безобразное писаніе иконъ. Патріархъ Іоасафъ въ томъ же году издалъ *Собраніе* или выписку отъ божественныхъ писаній *о благолѣпномъ писаніи иконъ и обличеніе на неистово пишущихъ оныя*, а послѣ того еще увѣщаніе о благочинномъ стояніи въ церкви съ обличеніемъ безчинствующихъ.

Патріархъ Іоасафъ понималъ нужды въ просвѣщеніи русскаго народа и зависящими отъ него мѣрами содѣйствовать этому. Когда граждане Москвы подали Царю Алексѣю Михайловичу просьбу о дозволеніи открыть училище при церкви св. Іоанна Богослова, то Патріархъ Іоасафъ написалъ грамоту, гдѣ, преподавая благословеніе обучаться наукамъ на греческомъ, славянскомъ и латинскомъ языкахъ, поражалъ анаѳемою враговъ просвѣщенія.

Заботы Патріарха Іоасафа простирались и на далекую Сибирь, гдѣ онъ старался распространить христіанство. Въ половинѣ XVII столѣтія христіанство начало проникать въ южную Сибирь. Подвиги храбраго Хабарова (1646) открыли путь христіанству въ среду сибирскихъ инородцевъ. Въ 1671 году близь Аобазина, на краю восточной Дауріи, построенъ былъ Спасскій монастырь.

Въ 1667 году предназначаемы были епископы для Холмогоръ, Вятки. Томска, Енисейска, Устюга, Воронежа,

Тамбова, Углича, Каргополя, Бѣлозерска, Дмитровска и Ржева. Но, по обстоятельствамъ, могли только открыть епархіи Бѣлогородскую въ 1667 году и Нижегородскую въ 1672 году съ званіемъ митрополій.

Ко времени Патріарха Іоасафа II относится и начало прискорбнаго событія въ церковной жизни XVII столѣтія—Соловецкаго бунта.

Въ Соловецкую обитель, какъ и въ другія мѣста, посланы были опредѣленія соборовъ 1666 и 1667 годовъ съ увѣщаніями исполнять опредѣленія церкви. Соловецкіе монахи отвергли опредѣленія соборовъ и не приняли новаго архимандрита Іосифа, который по указу Царя и грамотѣ Патріарха Іоасафа присланъ къ нимъ въ архимандриты на «Варѳоломѣево мѣсто». Виновниками возмущенія были: Ѳаддей Бородинъ, Иванъ Сарафоновъ съ нѣсколькими другими, архимандритъ Никаноръ и монахи Азарій и Геронтій—первый монастырскій будильникъ, а второй сынъ чебаксарскаго подъячаго. Изгнавъ архимандрита Іосифа, они послали къ царю челобитную съ осужденіемъ всего, что одобрено было соборами русской и греческой церкви. Азарій и Геронтій писали, будто «священники и діаконы и соборные чернецы и вся рядовая и больничная братія и служки вси» раздѣляютъ мысли и желанія, выраженныя въ челобитной. Но это была ложь. Многіе вовсе не думали раздѣлять мыслей суевѣровъ и даже уговаривали другихъ быть покорными собору. Но надъ такими употребляли насилія и пытки. Государь надѣялся, что лучшіе иноки успѣютъ убѣдить прочихъ покориться собору. Но власть уже была захвачена мятежниками. Царь сдѣлалъ выговоръ монастырю за челобитную и отобралъ

отъ монастыря монастырскія села и угодья. Тогда Бородинъ, Исаія Воронинъ и Самуилъ Кемьлянинъ объявили, что связь для нихъ съ Царемъ кончена и тотъ, кто сталъ бы молиться за него—открытый врагъ ихъ. Мятежники надѣялись на то, что Соловецкая обитель окружена была крѣпкими стѣнами, имѣла на стѣнахъ 90 пушекъ, множество пороха, съѣстныхъ припасовъ и до 600 вооруженныхъ людей. Они думали заставить Царя исполнить ихъ волю. Разорвавъ и побросавъ въ море новыя богослужебныя книги, они открыли пальбу по царскому войску. Царь долго не хотѣлъ дѣйствовать строгими мѣрами противъ мятежниковъ. Много разъ посылались увѣщанія. Присланный въ 1672 году стрѣлецкій голова Іовлевъ имѣлъ 1000 стрѣльцовъ, но онъ, согласно съ волею Царя, ограничился только тѣмъ, что держалъ монастырь въ осадѣ. Онъ посылалъ письма съ обѣщаніемъ отъ Царя забыть прошлое, лишь бы покорились. Наконецъ признали необходимымъ дѣйствовать противъ мятежниковъ рѣшительными мѣрами. Но это было уже послѣ смерти Патріарха Іоасафа, которая послѣдовала 17 февраля 1672 года.

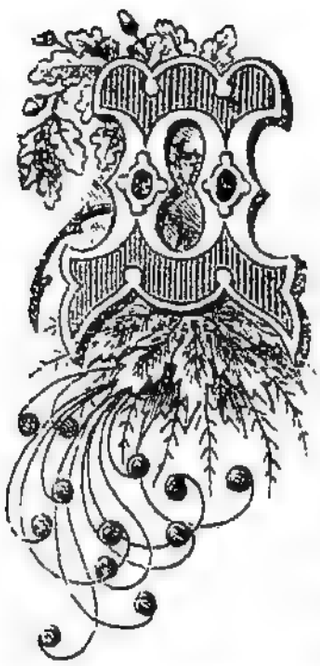
Послѣ Іоасафа II патріаршій Престолъ занялъ митрополитъ Новгородскій Питиримъ. По оставленіи Никономъ патріаршества, Питиримъ самовольно вступилъ въ права Патріарха и вѣдалъ дѣла патріаршія въ теченіи осьми лѣтъ. Но будучи человѣкомъ ограниченнымъ и не умѣя править дѣлами, онъ открылъ свободу расколу и безпорядку въ Русской церкви. По смерти Іоасафа II, Питиримъ былъ возведенъ на патріаршій престолъ. Управленіе его было очень кратковременно, продолжаясь всего одинъ годъ, и ничѣмъ особеннымъ не ознаменовано. Питиримъ скончался 19 апрѣля 1673 года.

Патріархъ Питиримъ.

Патріархъ Іоакимъ.

Патріархъ Іоакимъ.

I.



Десятый Всероссійскій Патріархъ Іоакимъ происходилъ изъ дворянской фамиліи Савеловыхъ. Въ молодые годы онъ служилъ въ военной службѣ и уже на 35 году принялъ монашество въ Кіевскомъ Межигорскомъ монастырѣ. На патріаршій Всероссійскій престолъ онъ возведенъ изъ митрополитовъ Новгородскихъ въ 1673 году.

Патріархъ Іоакимъ былъ святитель весьма дѣятельный и много потрудился для благоустройства Русской церкви. Первымъ дѣломъ Іоакима было ограниченіе свѣтской власти, или лучше сказать, власти мірскихъ, свѣтскихъ людей надъ духовенствомъ. Приказные чиновники захватили въ свои руки многія церковныя дѣла, какъ напр. сборъ церковныхъ пошлинъ и даже судъ надъ церковнымъ причтомъ.

Противъ такого несправедливаго вмѣшательства лицъ свѣтскихъ въ церковныя дѣла ратовалъ еще Патріархъ Никонъ. Патріархъ Іоакимъ настоялъ, чтобы этого не было.

Издано было постановленіе «мірскимъ людямъ не судить никого изъ церковнаго причта».

Важнымъ дѣломъ Патріарха Іоакима было подчиненіе Кіевской митрополіи Московскому Патріарху. Въ 1685 г. на Кіевскую митрополію единодушно былъ избранъ епископъ Луцкій Гедеонъ, изъ рода князей Четвертинскихъ; согласно съ общимъ рѣшеніемъ, онъ долженъ былъ принять власть отъ Московскаго Патріарха. Въ 1687 году Гедеонъ былъ посвященъ въ митрополита Кіевскаго въ Москвѣ. Въ томъ-же году получено было согласіе Восточныхъ Патріарховъ на зависимость южно-русской Кіевской митрополіи отъ Патріарха Московскаго. Такимъ образомъ умный патріархъ Іоакимъ докончилъ то, чего не успѣлъ сдѣлать великій Никонъ.

При Патріархѣ Іоакимѣ открыто было греческое училище въ Москвѣ. Починъ этому дѣлу данъ самимъ Царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ. Узнавши о притѣсненіяхъ православныхъ грековъ на Востокѣ отъ турокъ, Царь предложилъ Патріарху Іоакиму открыть греческое училище въ Москвѣ. Іоакимъ радъ былъ такому предложенію: собрано было до 30 учениковъ и въ 1679 году училище было открыто при типографскомъ домѣ. Царь и Патріархъ такъ дорожили этимъ духовнымъ разсадникомъ, что каждую недѣлю посѣщали его. Черезъ два года Царь жалованною грамотою придалъ новому училищу значеніе Академіи. Здѣсь должны были преподаваться науки словесныя, философскія и богословскія. Но, къ сожалѣнію, обстоятельства не допустили тогда въ Москву изъ южной Россіи просвѣщенныхъ людей, предлагавшихъ свои услуги Академіи. Царь Ѳеодоръ скоро умеръ, а затѣмъ послѣдо-

довали волненія стрѣльцовъ. Для занятія въ Академіи Патріархъ пригласилъ въ Москву двухъ ученыхъ грековъ іеромонаховъ, братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ. Лихуды окончили образованіе въ Падуанскомъ университетѣ съ докторскими дипломами. Въ Москвѣ имъ дозволено было обучать всѣмъ свободнымъ наукамъ. Они преподавали грамматику, піитику, реторику, логику съ діалектикою и физику на греческомъ языкѣ, а затѣмъ въ Академіи стало преподаваться и богословіе, первымъ преподавателемъ котораго былъ іеромонахъ Палладій Роговскій. Лихуды сдѣлали для Академіи очень много: ученики ихъ настолько успѣли, что свободно объяснялись на латинскомъ и греческомъ языкахъ и хорошо узнали правила словесности и логики.

Много тревогъ при Патріархѣ Іоакимѣ произвелъ въ Москвѣ католицизмъ. Нѣкоторые изъ южно-русскихъ ученыхъ, по самой мѣстной близости своей къ папизму, незамѣтно сроднялись съ нѣкоторыми католическими мнѣніями. Таково было мнѣніе объ освященіи Евхаристіи одними словами Спасителя: *пріимите, ядите и піите отъ нея вси* и проч. безъ призыванія Духа благодати, возведенное католиками въ догматъ въ концѣ XVI вѣка. Это-то мнѣніе надѣлало много тревоги въ Москвѣ, когда тамъ встрѣтились ученые Греціи и южной Россіи. Лишь только Лихуды прибыли въ Москву, между ними и кіевскими учеными возникла взаимная недовѣрчивость, перешедшая скоро въ открытую борьбу.

Бѣлоруссъ Янъ Бѣлободскій, прибывшій въ Москву въ 1681 году, просилъ у Патріарха и Царя должности учителя. Отъ него потребовали присоединенія къ право-

славной церкви. Онъ отрекся отъ западной церкви на словахъ, но въ душѣ остался католикомъ. Мысли свои онъ открыто высказалъ въ сочиненіи «О безразличіи церквей». На девятый день по прибытіи въ Москву Лихуды, въ присутствіи придворной знати, вступили съ Бѣлободскимъ въ разсужденіе о св. Евхаристіи: оказалось, что Бѣлободскій держался католическаго воззрѣнія на пресуществленіе св. Даровъ.

Скоро произошло столкновеніе Лихудовъ съ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, строителемъ Заиконо-Спасскаго монастыря, гдѣ помѣщалась Академія. Сильвестръ, какъ человѣкъ даровитый и образованный, написавшій нѣсколько сочиненій, пользовался извѣстностью въ Москвѣ, былъ близокъ къ царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ черезъ своего земляка и пріятеля Ѳедора Шакловитаго, начальника стрѣлецкаго приказа. Недовольный Патріархомъ Іоакимомъ, подозрѣвавшимъ его въ неправославіи, Сильвестръ враждебно смотрѣлъ и на Лихудовъ, вызванныхъ Патріархомъ. Сильвестръ написалъ сочиненіе «Манна». Доказывая въ этомъ сочиненіи, что хлѣбъ и вино въ таинствѣ Евхаристіи становятся Тѣломъ и Кровію Христовою при произнесеніи словъ установленія Евхаристіи, онъ выставлялъ Лихудовъ неправославными. Начался нескончаемый споръ. Лихуды написали противъ «Манны» сочиненіе «Акосъ», въ которомъ доказывали, что хлѣбъ и вино таинственно становятся Тѣломъ и Кровію Спасителя тогда, когда призывается молитвою Духъ благодати. Сильвестръ отвѣтилъ на это сочиненіе злою критикою. На сторону Сильвестра стало не мало знатныхъ людей, настойчиво защищавшихъ его мысли; между этими людьми былъ и извѣстный Ѳедоръ Шакловитый.

Споръ о времени пресуществленія св. Даровъ возбудилъ волненіе въ народѣ и породилъ множество праздныхъ словопреній на улицахъ и площадяхъ. Стали пересматривать книги и увидѣли, что во многихъ изданныхъ въ южной Россіи ясно приводилась та же мысль о Евхаристіи, которую защищалъ Сильвестръ и его единомышленники. Патріархъ Іоакимъ нѣсколько разъ сносился по сему предмету съ Кіевскимъ митрополитомъ Гедеономъ и ученымъ архіепископомъ Черниговскимъ Лазаремъ Барановичемъ. Между тѣмъ Лихуды писали одно сочиненіе за другимъ. Въ 1890 году ими разослана была отъ имени Патріарха Іоакима книга *Остенъ* *).

Въ ней содержится ученіе о времени пресуществленія св. Даровъ, изслѣдованіе, откуда вошло въ Россію римское воззрѣніе; о Флорентійскомъ соборѣ, о католическомъ догматѣ, объ исхожденіи Св. Духа, о заблужденіяхъ римскихъ и лютеранскихъ, о чистилищѣ. Прочнаго покоя, нарушеннаго этимъ споромъ, не было въ Москвѣ до самой кончины Патріарха Іоакима.

II.

Патріархъ Іоакимъ много заботился о благоустроеніи богослуженія, а бунтъ Никиты Пустосвята вызвалъ его на особые труды противъ раскола.

---

*) *Остенъ*, древн. славянское слово, значитъ *рожонъ*: *неудобь противу остна прати* (Дѣян. гл. 9, ст. 5).

Въ 1675 году на соборѣ разсмотрѣнъ былъ чиновникъ (служебникъ) архіерейскаго служенія, опредѣлены преимущества въ служеніи патріаршія, митрополичьи и епископскія; даны наставленія пресвитерамъ о поведеніи и одеждѣ. Въ 1676 году соборомъ пересмотрѣно празднованіе входа Спасителя въ Іерусалимъ и торжественная процессія *съ ваіею* запрещена въ другихъ городахъ, кромѣ Москвы.

Въ ноябрѣ 1681 года собранъ былъ соборъ, который занялся изысканіемъ мѣръ для противодѣйствія распространявшемуся расколу. Самъ просвѣщенный и благочестивый Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ принималъ живое участіе въ дѣяніяхъ этого собора. «Дошло до нашего слуха изъ многихъ городовъ—говорилъ Царь—что многіе глупые люди, оставивъ святую церковь, учинили въ своихъ домахъ моленныя и, собираясь въ нихъ, творятъ не сообразное съ христіанствомъ, а на святую церковь произносятъ страшныя хулы». Соборъ отвѣчалъ, что Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ отсылать упорныхъ противниковъ вѣрѣ къ гражданскому суду. Сообразно съ этимъ постановленіемъ, соборъ просилъ Царя Ѳеодора, дабы Царь соизволилъ: отступниковъ отъ церкви, которые послѣ церковнаго вразумленія окажутся непокорными св. церкви, отсылать къ гражданскому суду. А воеводамъ и судьямъ подтвердить, чтобы оказывали духовному начальству всякое содѣйствіе въ дѣлахъ о расколѣ.

Царь обращалъ вниманіе собора еще и на то, что въ Москвѣ у Спасскихъ воротъ продаются тетрадки подъ именемъ выписокъ изъ святаго писанія, но съ хулами на книги церковныя. Соборъ опредѣлилъ, чтобы Патріархъ

избралъ изъ духовныхъ лицъ способнаго и довѣреннаго человѣка, который бы строго наблюдалъ за продажею такихъ тетрадокъ и виновныхъ представлялъ на судъ Патріарха.

Царь говорилъ, что самовольные люди заводятъ пустыни или скиты съ тѣмъ, чтобы они служили пристанищемъ раскола; такіе же люди распространяютъ часовни, въ которыхъ народъ собирается слушать молитвы предъ сомнительными иконами, а святую литургію оставляетъ. Соборъ опредѣлилъ запретить это своеволіе и это опредѣленіе тогда же стало приводиться въ исполненіе. Когда же открылся бунтъ Никиты Пустосвята и его единомышленниковъ, то указъ о преслѣдованіи раскольниковъ свѣтскимъ судомъ подтвержденъ былъ со всею строгостью.

Самъ Патріархъ Іоакимъ написалъ пространное опроверженіе челобитной Никиты Пустосвята, представленной собору въ 1681 году. Это сочиненіе, вполнѣ достойное христіанскаго архипастыря, представляетъ какъ бы отчетъ въ исправленіяхъ нѣкоторыхъ богослужебныхъ обрядовъ, на каковыя исправленія раскольники указывали, какъ на отступленія отъ православія. Это сочиненіе названо «Увѣтомъ духовнымъ» и разослано всѣмъ епархіальнымъ архіереямъ для чтенія по всѣмъ церквамъ. Кромѣ этого, патріархъ Іоакимъ издалъ еще нѣсколько небольшихъ сочиненій противъ раскола.

Кромѣ письменныхъ поученій, Патріархъ Іоакимъ отправлялъ увѣщателей въ мѣста, зараженныя расколомъ. Такъ въ 1862 году въ Холмогоры отправился архіепископъ Аѳанасій и тамъ ревностно дѣйствовалъ противъ раскольниковъ поморскаго толка. Аѳанасій собралъ об-

ширную библіотеку рукописей для вразумленія поморянъ и написалъ противъ нихъ сочиненіе «Щитъ вѣры». Въ сибирскіе остроги и волости посланъ былъ въ 1688 году іеродіаконъ Михаилъ для борьбы съ расколомъ, и въ городѣ Енисейскѣ сдѣланъ былъ игуменомъ монастыря. Въ 1689 году Новоспасскій архимандритъ Игнатій Корсаковъ отправленъ былъ въ Кострому и Кинешму для вразумленія и увѣщанія тамошнихъ раскольниковъ. Казанскій митрополитъ Адріанъ, бывшій послѣ Всероссійскимъ Патріархомъ, написалъ для своей паствы сочиненіе «о крестномъ знаменіи» противъ раскольническаго двуперстія. Борьба съ расколомъ велась Патріархомъ Іоакимомъ до самой его кончины, которая послѣдовала 17 марта 1690 года.

Патріархъ Адріанъ.

Патріархъ Адріанъ.

акой же ревнитель благочестія, какъ почившій патріархъ Іоакимъ, былъ и Адріанъ, послѣдній всероссійскій Патріархъ, возведенный въ это достоинство изъ митрополитовъ Казанскихъ 1690 года августа 24 дня. Но онъ не былъ настолько образованъ, какъ его предшественникъ.

Памятникомъ административной дѣятельности Патріарха Іоакима служитъ составленная имъ и разосланная по епархіямъ «Уставная грамота», изданная въ 1697 году. Въ ней излагаются обязанности такъ называемыхъ «поповскихъ старостъ». Эти обязанности заключались въ надзорѣ за церковнымъ благочиніемъ, за постройкою новыхъ церквей и часовенъ, въ наблюденіи за поведеніемъ духовенства бѣлаго и монашествующаго; поповскіе старосты вѣдали также всякіе окладные и неокладные сборы съ подвѣдомственныхъ имъ церквей и духовенства.

Адріанъ весьма недовѣрчиво относился къ западному

образованію, начавшему уже вторгаться въ Россію. Къ сожалѣнію, встрѣчались случаи, еще болѣе утверждавшіе въ іерархахъ подозрительность къ западнымъ ученымъ. При Адріанѣ попался въ отступничествѣ отъ православія одинъ московскій діаконъ Петръ Артемьевъ. Онъ учился въ Венеціи и попался тамъ въ руки іезуитовъ. Они довели его до такого фанатизма, что онъ, будучи человѣкомъ нервнымъ и болѣзненнымъ, по возвращеніи въ Россію, началъ горячо отстаивать и проповѣдывать свои латинскія убѣжденія. Въ 1698 году онъ былъ разстриженъ и сосланъ въ крѣпкое заточеніе въ Соловки. Изъ допросовъ, сдѣланныхъ ему, узнали, какъ русскіе ученые отрекались на западѣ отъ православія, писали противъ него сочиненія на ученыя степени, такъ какъ іезуитское воспитаніе пріучало ихъ ко лжи, скрывательству своихъ убѣжденій, ложнымъ клятвамъ. Вслѣдствіе этого, въ Москвѣ не вѣрили заграничнымъ воспитанникамъ даже въ томъ случаѣ, когда они съ клятвою отрекались отъ латинства. Въ то самое время, какъ дѣло шло объ Артемьевѣ, пріѣхалъ въ Москву другой ученый, учившійся въ Римѣ, Григорій Скибинскій и просился въ учители Академіи. Но его не только не приняли въ академію, но запретили давать даже частные уроки въ Москвѣ.

Реакція противъ западнаго образованія коснулась самихъ Лихудовъ. Они преподавали своимъ ученикамъ грамматику, піитику, реторику, логику и физику. Всѣ эти науки преподавались ими по схоластическому методу. Но для возбужденія подозрительности на счетъ ихъ православія, теперь довольно было и того, что они съ греческимъ языкомъ не оставляли и латинскій. Главнымъ об-

винителемъ ихъ явился Іерусалимскій Патріархъ Досифей, который давно уже слѣдилъ за успѣхами латинской науки въ Россіи и нѣсколько разъ писалъ въ Москву предостереженія противъ кіевскихъ ученыхъ. Отправляясь въ Россію, Лихуды дали ему обязательство учить москвичей только по гречески. Узнавши, что они не сдержали своего обѣщанія, Досифей въ 1697 г. отправилъ въ Москву три посланія—Царямъ Іоанну и Петру, Патріарху Адріану и самимъ Лихудамъ, въ которыхъ рѣшительно осуждалъ преподаваніе въ академіи латыни; Лихудовъ укорялъ за то, будто они не занимаются своимъ дѣломъ, а забавляются около физики и философіи и не образовали ни одного учителя, и грозилъ имъ отлученіемъ. Ученыхъ братьевъ отставили отъ академіи, но Досифей не былъ доволенъ и этимъ и требовалъ, чтобы ихъ совсѣмъ выслали изъ Москвы, обвинялъ ихъ въ сношеніяхъ съ Турецкимъ правительствомъ. Тогда ихъ заточили въ Костромской Ипатьевскій монастырь, гдѣ они цѣлыя 15 лѣтъ пробыли въ заточеніи и уже въ 1706 году митрополитъ Новгородскій Іовъ испросилъ у Петра I позволеніе взять ихъ въ Новгородъ для устройства при архіерейскомъ домѣ греко-латино-словенскаго училища. Мѣсто ихъ при академіи заняли ихъ ученики, при которыхъ латинскій языкъ былъ уже совершенно изгнанъ изъ академіи.

Но это было уже послѣднее и кратковременное торжество стараго образованія передъ новымъ. Западное вліяніе, проникшее чрезъ Кіевъ, было вытѣснено, но этимъ только открывалось мѣсто для новой западной образованности уже не церковно-религіозной, а свѣтской, реальной, которая должна была сильно потрясти всю прежнюю

исключительно религіозную жизнь древней Руси. Новыхъ людей, проникнутыхъ западнымъ духомъ, было уже много и, главное, во главѣ этихъ людей стоялъ самъ Царь. Значитъ въ рукахъ этихъ людей была сила и власть, съ помощью которыхъ они сами могли перестроить русскую жизнь. Въ глазахъ этихъ людей и самого Царя духовенство ничѣмъ не могло такъ подорвать своего духовнаго авторитета, какъ именно своимъ недоброжелательствомъ къ западной наукѣ. Стали являться и признаки упадка церковнаго авторитета. Въ одной проповѣди Патріархъ Адріанъ жаловался на то, что многіе «отъ нипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли. Совратясь со стезей отцевъ своихъ, говорятъ: для чего это въ церкви такъ дѣлается? нѣтъ въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ. Едва только св. книгамъ узнаетъ имя, или складъ словесный и уже учитъ архіереевъ и священниковъ, монастыри правитъ, строяетъ чинъ церковный». Патріархъ требовалъ, чтобы всѣ по старому учились у своихъ духовныхъ отцевъ. Но теперь и отцы духовные и сама Московская академія оказывались уже несостоятельными. Въ 1699 г. Петръ Великій писалъ патріарху Адріану, что русское духовенство малограмотно, есть въ Москвѣ школа, но мало отъ нея пользы, надобно послать хоть 10 человѣкъ въ Кіевъ для науки; при этомъ Царь высказывалъ новую мысль о восполненіи стараго исключительно религіознаго образованія новыми элементами образованія свѣтскаго, писалъ, что надобно завести не одно только церковное обученіе, но еще гражданское, военное, строительное и врачебное.

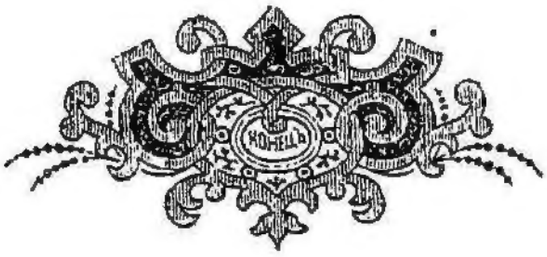
Начались реформы Петра. Противъ нихъ стали раз-

даваться протесты съ сильнымъ участіемъ въ нихъ духовныхъ лицъ. Это обстоятельство не могло не отозваться весьма дурно на положеніи главы духовенства Патріархѣ. Петръ еще до своего самодержавія далеко разошелся съ Патріархомъ Іоакимомъ. Патріархъ Адріанъ сталъ рѣзко высказываться противъ нововведеній Петра. Вотъ какъ писалъ, напр., Адріанъ противъ брадобритія въ окружномъ посланіи въ первые годы своего святительства: «Воины, всякаго чина начальствующіе и начальствуемые! отриньте отъ себя еретическій обычай брить и подстригать бороды. Богъ возбранилъ то и святые апостолы запретили, глаголя: не подобаетъ брады власовъ растлѣвати и образъ мужа измѣняти: сіе бо женамъ лѣпо сотвори Богъ. Самъ Спаситель нашъ Христосъ былъ съ бородою. Подобно ему св. апостолы, великіе пророки, преподобные отцы, благочестивые цари, Константинъ Великій, Ѳеодосій Великій, Владиміръ Великій, всѣ имѣли бороду, какъ Богомъ дарованное украшеніе, съ нею до сихъ поръ видимы въ иконныхъ писаніяхъ и всѣ при общемъ воскресеніи возстанутъ какъ создалъ ихъ Господь. О пребеззаконники! ужели вы считаете красотою брить бороды и оставлять одни усы? Но такъ сотворены Богомъ не человѣки, а коты и псы. Людіе православные! не пріемите сего злодѣйскаго знаменія, но гнушайтесь имъ какъ нѣкою мерзостію».

Но скоро Патріархъ долженъ былъ замолчать. Въ послѣднее время онъ даже совсѣмъ уѣхалъ изъ Москвы и жилъ безучастно въ своемъ любимомъ Перервинскомъ монастырѣ, такъ что въ народѣ говорили про него: «Какой онъ Патріархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантіи

да клобука бѣлаго, затѣмъ и не обличаетъ». Патріархъ не мѣшалъ реформамъ Петра. Но Петру этого было недостаточно. Ему нужно было, чтобы Патріархъ ему содѣйствовалъ. Безучастное положеніе главы духовенства было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Чѣмъ болѣе разгоралась борьба реформы съ противодѣйствіями, тѣмъ положеніе Патріарха дѣлалось хуже, а отношенія къ нему Царя подозрительнѣе. По случаю небольшого замедленія въ постриженіи Царицы Евдокіи, Петръ такъ разгнѣвался на Патр. Адріана, что тотъ испугался и поспѣшилъ отвести бѣду отъ себя, сославшись на архимандрита и 4-хъ священниковъ; ихъ немедленно отвезли въ Преображенское. Отсюда понятна та грозная встрѣча, какую Царь сдѣлалъ Патріарху, когда послѣдній вспомнилъ старинный обычай печалованія и предъ стрѣлецкими казнями явился къ Петру съ образомъ Богоматери ходатайствовать за стрѣльцовъ. «Зачѣмъ эта икона?» закричалъ гнѣвный Царь.—«Развѣ твое дѣло приходить сюда? Поставь образъ на свое мѣсто. Быть можетъ я побольше тебя почитаю Бога и Его Пречистую Матерь. Я исполняю свой долгъ, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него злоумышляющихъ».

Петръ видѣлъ въ Патріархѣ живое нравственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ его реформами; для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ ему вовсе не нужно было какихъ-либо особенныхъ фактовъ въ поведеніи Патріарха: достаточно было и того, что онъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде. Теперь онъ молчалъ, но онъ могъ опять заговорить и притомъ въ такое время, когда противодѣйствіе Патріарха было всего болѣе

опасно, могло надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ во времена Никона. Не смотря на то, что Адріанъ вовсе не былъ похожъ на Никона, грозная тѣнь этого властительнаго іерарха была постоянно въ глазахъ Петра.

15 октября 1700 года Патріархъ Адріанъ скончался. Послѣ смерти его возникъ трудный вопросъ о назначеніи ему преемника. Но тогда трудно было найти человѣка, сочувствовавшаго реформамъ Петра; между духовными лицами трудно было выбрать такого даже Патріарха, который давалъ право надѣяться на одно только безмолвіе съ своей стороны. Петръ рѣшился повременить избраніемъ Патріарха, такъ какъ у него еще не вполнѣ созрѣла мысль объ окончательномъ уничтоженіи патріаршества въ Россіи. Управленіе русскою церковію на время поручено было рязанскому митрополиту Стефану Яворскому съ званіемъ мѣста блюстителя Патріаршаго Престола.